

Кейли
Рид

ТАКОЙ
ЗАБАВНЫЙ
ВОЗРАСТ

РОМАН

ph

18+

Кайли Рид

Такой забавный возраст

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67720016
Такой забавный возраст: Фантом Пресс; М.; 2022
ISBN 978-5-86471-903-9

Аннотация

Яркий литературный дебют: книга сразу оказалась в американских, а потом и мировых списках бестселлеров. Эмира – молодая чернокожая выпускница университета – подрабатывает бебиситтером, присматривая за маленькой дочерью успешной бизнес-леди Аликс. Однажды поздним вечером Аликс просит Эмиру срочно увести девочку из дома, потому что случилось ЧП. Эмира ведет подопечную в торговый центр, от скуки они начинают танцевать под музыку из мобильного. Охранник, увидев белую девочку в сопровождении чернокожей девицы, решает, что ребенка похитили, и пытается задержать Эмиру. Нелепое происшествие становится катализатором целой цепочки непредвиденных событий и знакомств, переосмысления себя, своих отношений с миром и взглядов на жизнь – как для Эмиры, так и для Аликс.

«Такой забавный возраст» – история о привилегиях, классовых, социальных и расовых различиях. Но в первую очередь это увлекательная история, от которой не оторваться. Это

книга о молодых – нынешних и вчерашних, об их тревогах и устремлениях, об иллюзиях и обманах и, конечно, о любви. Это книга о возрасте, который одновременно и чудесен, и трагичен, и, безусловно, забавен – со стороны.

Содержание

Часть первая	6
Один	6
Два	30
Три	54
Четыре	62
Пять	84
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Кайли Рид

Такой забавный возраст

Патрише Аделине Оливер

...Не просто так – нужно дожидаться дня рождения. Или вот мороженое. Его надо типа заслужить. Вчера мы ей обещали купить мороженое, но потом она пошла вразнос. И я сказала: «Извини, пожалуйста, но мороженое – это для девочек, которые ведут себя хорошо. А ты сегодня ведешь себя очень плохо. Может быть, завтра».

Рейчел Шерман. «Несладкая жизнь: беды безбедности»

SUCH A FUN AGE by KILEY REID

Copyright © 2019 by Kiley Reid Inc

© Евгения Канищева, перевод, 2021

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2022

Часть первая

Один

Когда в тот вечер позвонила миссис Чемберлен, Эмира расслышала только обрывки фраз: «...уведите куда-нибудь Брайар...» и «...заплачу вам вдвойне».

В битком набитой квартире, под чей-то вопль «Моя любимая песня!», Эмира, прижимая к уху телефон, стояла рядом со своими подругами – Зарой, Джосефой и Шони. Был сентябрьский субботний вечер, от двадцать шестого дня рождения Шони оставался час с минутами. Эмира прибавила звук в телефоне и попросила миссис Чемберлен повторить.

– Вдруг вы могли бы сводить Брайар в супермаркет, ненадолго? – сказала миссис Чемберлен. – Простите, мне так неловко! Я понимаю, что уже очень поздно.

То, что Эмирина дневная работа бебиситтера (дорогущие ползунки-боди, яркие пирамидки, влажные салфетки, тарелочки с перегородками) внезапно ворвалась в ее вечер (громкая музыка, платья в обтяжку, контурный карандаш для губ, красные пластиковые стаканчики), казалось почти неправдоподобным. Однако вот она, миссис Чемберлен, в 10:51 вечера, ждет, чтобы Эмира сказала «да». В легкой дымке двух крепких коктейлей это пересечение двух парал-

лельных миров казалось даже смешным, зато в балансе Эмириного банковского счета ничего смешного не было: семьдесят девять долларов шестнадцать центов. После этой вечеринки – двадцатидолларовые закуски, выпивка, подарки вскладчину – наличные Эмире Такер явно не помешали бы.

– Секунду, – сказала она, поставила стаканчик на низкий кофейный столик и заткнула свободное ухо средним пальцем. – Вы хотите, чтобы я забрала Брайар прямо сейчас?

Шони, напротив Эмиры, положила голову на плечо Джозефе и заплетающимся языком пробормотала: «Я что, теперь старая? Двадцать шесть – это старуха, да?» Джозефа отпихнула ее и сказала: «Шони, не начинай!» Зара, рядом с Эмирой, поправила перекрученную бретельку лифчика. Потом, повернувшись к Эмире, с отвращением скривилась и спросила одними губами: *Это что, твоя мадам?!*

– Питер случайно... в общем, у нас тут неприятность, нам разбили окно, и... Мне просто очень нужно, чтобы Брайар сейчас не было дома. – Голос у миссис Чемберлен был спокойный и до странности отчетливый, как если бы она принимала роды и говорила: *Отлично, мамочка, а теперь тужьтесь.* – Мне ужасно стыдно беспокоить вас в такое позднее время, – снова сказала она. – Я просто не хочу, чтобы она увидела полицию.

– Вау. Окей. Но только, миссис Чемберлен... – Эмира присела на краешек дивана. С другой стороны, у подлокотника, две девушки начали танцевать. Слева распахнулась

входная дверь, и в квартиру с воплем «Йеее!» ввалились четверо парней.

– Госсподи, – сказала Зара. – Неслабо ниггеры отжигают.

– Просто у меня не очень бибиситтерский вид, – предупредила Эмира. – Я у подруги на дне рождения.

– О боже. Извините меня, пожалуйста. Конечно, тогда не нужно...

– Нет-нет, я не в том смысле, – сказала Эмира громче. – Я могу приехать. Просто объясняю, что я на каблуках и, как бы, ну... немножко выпила. Это ничего?

В телефоне послышался плач пятимесячной Кэтрин, младшей дочки Чемберленов. Миссис Чемберлен сказала в сторону:

– Питер, возьми ее, пожалуйста! – Ее голос приблизился: – Эмира, мне совершенно неважно, как вы там выглядите! Я оплачу вам такси сюда и потом такси домой.

Эмира сунула телефон во внешний карман сумочки, висевшей через плечо наискосок, проверила, все ли там на месте. Когда она встала и объяснила подругам, что должна уйти, Джосефа сказала:

– Ты уходишь *нянчить ребенка*? Ты серьезно вообще?

– Народ... знаете что? Со мной не надо нянкатся! – проинформировала всех Шони. Один ее глаз был открыт, второй изо всех сил старался ему соответствовать.

У Джосефы были еще вопросы:

– Это что же за мать такая, которой среди ночи вынь да

положь бибиситтера?

Эмире не хотелось вдаваться в подробности.

– Мне нужны деньги. Но я вернусь, если управлюсь пораньше, – добавила она, хотя и понимала, что это крайне маловероятно.

Зара ткнула ее локтем в бок:

– А прокачусь-ка я с тобой!

Фух, слава богу, подумала Эмира, а вслух сказала:

– Окей, можно.

Обе они в один долгий глоток прикончили свои напитки.

Джосефа скрестила руки на груди:

– Поверить не могу. Вы что, правда решили свалить с дня рождения Шони?

Эмира высоко подняла плечи и резко опустила.

– Похоже, Шони тоже решила свалить с дня рождения Шони, – сказала она, глядя, как Шони сползает на пол и объявляет, что чуточку поспит.

Пока они с Зарой ждали «Убер» на тускло освещенном тротуаре, Эмира занималась подсчетами в уме: *дважды шестнадцать... плюс деньги на такси... да просто вау!*

Из дома Чемберленов доносился плач – Кэтрин до сих пор не успокоилась. Поднимаясь по ступенькам, Эмира заметила в окне зазубренную дыру, и по стеклу сползло что-то прозрачно-склизкое. Миссис Чемберлен уже стояла на крыльце, собирала гладкие светлые волосы Брайар в хвостик. Она поблагодарила Эмиру, поздоровалась с Зарой теми же слова-

ми, что и всегда («Зара, привет, рада вас снова видеть»), и сказала Брайар:

– Ты идешь гулять с большими девочками.

Брайар взяла Эмиру за руку.

– Я была в кровати, – сказала она, – а теперь неть.

Три девочки спустились по ступенькам, и все три коротких квартала до «Маркет депо» Брайар восхищалась Заринными туфлями, явно (и тщетно) надеясь, что ей предложат их примерить.

В «Маркет депо» продавали органический коллаген из костного бульона, трюфельное масло, смузи – сейчас смузи-машина была отключена, в отделе темно – и, в огромных прозрачных контейнерах, несколько видов орехов на развес. В магазине было очень светло и безлюдно, работала всего одна касса – «не больше десяти товаров». У полок с сухофруктами Зара на своих высоченных шпильках присела на корточки и, одной рукой одергивая сзади короткое платье, достала упаковку изюма в йогурте.

– Ммм... *восемь баксов?!* – Она, словно обжегшись, быстро вернула баночку на место и встала. – Черт. Да это магазин для богатеньких.

– *Как ее родители,* – беззвучно, одними губами, ответила Эмира с малышкой на руках.

– Хотю это. – Брайар потянулась обеими руками к большим кольцам цвета меди в ушах у Зары.

Эмира приблизила губы к ушку Брайар:

– Как надо попросить?

– Пожалуйста, вот это, Мира, пожалуйста.

Зара изумленно открыла рот.

– Почему у нее всегда такой голос? Такой хриплый и ужасно милый.

– Убери косички, – сказала ей Эмира. – Не хочу, чтоб она за них дергала.

Зара перебросила все свои длинные косы – с десятков из них были высветлены в платиновый блонд – через плечо и, взявшись за серьгу-кольцо, приблизила ее к Брайар.

– У моей двоюродной сестры одна девочка классно плетет косички, на выходных пойду к ней. Давай, мисс Брайар, можешь потрогать.

У Зары дзынькнул телефон. Она достала его из сумочки и начала набирать сообщение, склонив голову к Брайар, которая легонько дергала серьгу.

– Они еще там? – спросила Эмира.

– А то! – Зара чуть откинула голову назад. – Шони только что наблевала в цветочный горшок, Джосефа злая как черт. Ты еще долго тут будешь торчать?

– Не знаю. – Эмира поставила Брайар на пол. – Но эта подруга может часами разглядывать орехи, так что...

– Мира зашибает бабки, Мира зашибает бабки... – Зара, приплясывая, двинулась по отделу замороженных продуктов, Эмира и Брайар шагали за ней; она подпрыгивала, положив руки на колени, и на отражениях ее бедер в темных

стеклянных дверцах холодильников красовались пастельные логотипы мороженого. Ее телефон снова звякнул. – О боже, я что, дала свой номер тому чуваку у Шони? – сказала она, глянув на экран. – Запал на меня, вот бред.

– Ты танцуешь. – Брайар показала на Зару, сунула два пальца в рот и повторила: – Ты... ты танцуешь без музыки.

– Хочешь музыку? – Зара начала скроллить большим пальцем. – Сейчас что-нибудь поставлю, но ты тогда тоже должна танцевать.

– Только без неприличных слов, пожалуйста, – предупредила Эмира. – Если она начнет их повторять, меня уволят.

Зара помахала тремя пальцами в направлении Эмиры и пропела:

– Поняла, поняла.

Пару секунд спустя из телефона грянула музыка. Зара вздрогнула и, сказав «упс», уменьшила громкость. Мелодия синтезатора заполнила проход, запела Уитни Хьюстон, Зара закрутила бедрами, Брайар начала подпрыгивать, обхватив ладошками мягкие белые локотки, а Эмира привалилась спиной к дверце холодильника, за которой глянцевито блестяли коробки с замороженными колбасками и вафлями.

Брайар Чемберлен была ребенком совсем не глупым. Она не впадала в восторг при виде воздушных шариков, и когда клоуны начинали кататься по земле или понарошку поджигать себе пальцы, ее это не веселило, а настораживало. На днях рождения и в балетной студии, когда раздавалась гром-

кая музыка или фокусники-аниматоры призывали всех вопить, Брайар напряженно вслушивалась в себя, то и дело поглядывала на Эмиру, и ее встревоженные голубые глаза словно говорили: *Я точно должна это делать? Это точно необходимо?* Поэтому, когда Брайар легко, без усилия, стала раскачиваться вместе с Зарой под хит восьмидесятых, Эмира, как она часто делала, притворилась, будто ничего не замечает. Она хотела, чтобы Брайар всегда, всегда была уверена: если ей надоест, она имеет полное право перестать, выйти из игры – пусть даже самой Эмире происходящее грело душу. В данный момент двадцатипятилетняя Эмира зарабатывала деньги: тридцать два доллара в час за танцы в супермаркете с лучшей подругой и самым любимым маленьким человеком.

Зара, казалось, удивилась не меньше Эмиры.

– Ух ты, – сказала она, глядя на самозабвенно пляшущую Брайар. – Подруга, да ты шикарно танцуешь.

Брайар посмотрела на Эмиру:

– Ты тоже танцуй, Мира.

Эмира присоединилась к ним, когда Зара подхватила припев – как она хочет ощутить чей-то жар¹. Эмира крутанула Брайар вокруг себя, крест-накрест сложила ее ручки на груди, и тут в проходе появился кто-то еще. Эмира с облегчением выдохнула, увидев, что это женщина средних лет с ко-

¹ «Я хочу ощутить чей-то жар» (*I wanna feel the heat with somebody*) – строка из песни Уитни Хьюстон «Я хочу танцевать с кем-нибудь» (*I Wanna Dance with Somebody*). – *Здесь и далее примеч. перев.*

роткими седыми волосами, в спортивных штанах и футболке «Фестиваль тыкв». Судя по внешности, в этой жизни ей явно доводилось танцевать с ребенком – а может, и не с одним, – так что Эмира решила не останавливаться. Женщина положила в корзинку пинту мороженого и широко улыбнулась пляшущей троице, а Брайар крикнула Эмире: «Ты танцуешь, как мама!»

На последнем куплете песни в проход въехала тележка, которую толкал некто очень высокий, гораздо выше, чем женщина с фестивалем тыкв. На его футболке был логотип университета штата Пенсильвания – «Пенн-Стейт», а глаза были красивые и сонные, но Эмира танцевать не перестала, иначе он бы сразу понял, что произвел на нее впечатление. Она продолжала отплясывать хип-хоп, краем глаза заметив в движущейся тележке связку бананов, и щелкала себя по плечам, словно стряхивая пылинки, пока он тянулся за смесью мороженых овощей. Зара предложила Брайар поклониться, и мужчина, прежде чем удалиться, поаплодировал им – четыре медленных хлопка. Эмира одернула юбку.

– Трам-парарам, ну ты меня уморила. – Зара наклонилась к Брайар: – Дай лапу. Молодчина, подруга. Все, меня нет.

– Ты уходишь? – спросила Эмира.

Зара с бешеной скоростью что-то строчила в телефоне:

– Похоже, кому-то сегодня повезет.

Эмира перебросила через плечо длинные черные волосы:

– Мать, ты делай как знаешь, конечно, но он такой прямо

совсем белый-белый.

Зара толкнула ее:

– На дворе две тыщи пятнадцатый, Эмира! Да, мы можем!

– Угу.

– Спасибо, что подвезла. Пока, сестренка.

Зара пощекотала макушку Брайар и повернулась уходить. Под удаляющееся цоканье ее шпилек «Маркет депо» вдруг сделался очень белым и очень пустынным.

Брайар заметила отсутствие Зары, только когда та уже скрылась из виду.

– Твоя подруга, – сказала она, тыча пальцем в пустоту. Два передних зуба выдавались вперед, нависая над нижней губкой.

– Ей пора спать, – ответила Эмира. – Хочешь посмотреть на орешки?

– И мне пора спать. – Брайар запрыгала вперед по сияющим плиткам пола, держась за руку Эмиры. – Мы будем спать в магазине?

– Не-а, – ответила Эмира, – мы еще чуточку тут побудем, и все.

– Я хотю... я хотю понюхать тьяй.

Брайар всегда было важно знать, что в каком порядке будет происходить, и она беспокоилась, если этот порядок нарушался, поэтому Эмира начала объяснять, что можно сначала пойти посмотреть на орешки, а потом понюхать чай. Но

ее объяснение прервал голос:

– Прошу прощения, мэ.м.

За голосом последовали шаги, и, когда Эмира обернулась, перед носом у нее сверкнула золотая бляха охранника. Наверху значилось: «Служба безопасности», а внизу, полукругом: «Филадельфия».

Брайар показала пальчиком вверх, на лицо охранника.

– Это, – сказала она, – не почтальон.

Эмира сглотнула слюну и словно со стороны услышала свой голос:

– О, привет.

Мужчина стоял прямо перед ней, просунув пальцы в петельки для ремня, и он не поздоровался в ответ.

Эмира коснулась своих волос и сказала:

– Вы, что ли, закрываетесь или типа того?

Она знала, что до закрытия еще целых сорок пять минут, – по выходным «Маркет депо» работал до полуночи, стерильный, безлюдный, набитый товаром, – но хотела, чтобы он услышал ее голос, услышал, как она говорит. Подальше, в другом конце ряда, за темными бакенбардами охранника, Эмира заметила еще одно лицо. Та седая, спортивного вида женщина, которая вроде бы умилилась при виде танцующей Брайар, стояла теперь, скрестив руки на груди. Магазиновую корзинку она поставила на пол.

– Мэм, – сказал охранник.

Эмира подняла взгляд на его широкий рот и маленькие

глазки. Он выглядел как человек, у которого большая семья из тех, что проводят выходные вместе, целый день с утра до вечера, а не как человек, который назовет тебя *мэм* просто так, мимоходом.

– Слишком позднее время для таких маленьких, – сказал он. – Это ваш ребенок?

– Нет! – Эмира рассмеялась. – Я ее бэбиситтер.

– Да, но... при всем уважении, в данный момент вы явно не похожи на бэбиситтера.

Эмира ощутила, как у нее кривится рот, словно она проглотила что-то слишком горячее. Она поймала взглядом отражение в дверце холодильника и увидела себя во весь рост. Черты ее лица – пухлые коричневые губы, крошечный нос, высокий лоб под черной челкой – были почти неразличимы. Черная юбка, топ в обтяжку с глубоким треугольным вырезом, густо подведенные глаза – все это тоже не желало как следует отражаться в длинных панелях из толстого темного стекла. Эмира видела только что-то очень темное и худющее – и хвостик светлых волос, принадлежащий Брайар Чемберлен.

– Окей, – выдохнула она. – Я ее бэбиситтер, и ее мать позвонила мне, потому что...

– Простите, мне так неловко, но... Я просто... – Та женщина двинулась к ним из конца ряда, ее очень потертые кроссовки поскрипывали при каждом шаге по плиточному полу. Женщина прижала руку к груди. – Я сама мама, и я

услышала, как малышка сказала, что она сейчас *не* с мамой, а поскольку уже так поздно, я слегка встревожилась.

Эмира посмотрела на нее и рассмеялась. Единственная мысль, крутившаяся в голове, была совсем не взрослая, но ни о чем другом Эмира думать не могла. *Это вот ты сейчас на меня наступала, да?*

– А куда... – Брайар показала пальчиком, – куда эта дверка?

– Секунду, бусинка. Окей... – сказала Эмира. – Я ее биситтер, и ее мама позвонила и попросила ее забрать, потому что у них там возникла внештатная ситуация и нужно было увести ее из дома. Они живут в трех кварталах отсюда. – Эмира почувствовала, как натянулась кожа на шее. – И мы зашли посмотреть на орехи. Мы их не трогаем, ничего такого. Мы просто... в общем, мы сейчас очень интересуемся орешками, так что... вот.

У охранника на миг раздулись ноздри. Он кивнул сам себе, будто отвечая на вопрос, и сказал:

– А вы ненароком не употребляли сегодня спиртного, мэм?

Эмира закрыла рот и отступила на шаг. Та женщина рядом с охранником поморщилась и произнесла: «О боже».

Эмире теперь открылся вид на ряд мяса и птицы. Покупатель в футболке «Пенн-Стейт» стоял не шевелясь и откровенно прислушивался. И это, в придачу к невысказанным, но подразумеваемым обвинениям, вдруг показалось невыноси-

мо унизительным, будто Эмире вслух объявили, что ее имени нет в списке приглашенных.

– Знаете что, – сказала она, – ладно. Мы можем и уйти.

– Минутку. – Охранник выставил ладонь. – Я не могу вас отпустить, потому что дело касается ребенка.

– Но в данный момент это *мой* ребенок. – Эмира снова рассмеялась. – Я за нее отвечаю. Она со мной. Я официально ее няня. – Это была ложь, но Эмира хотела создать впечатление, будто существуют некие юридические документы, подтверждающие ее статус и ее отношения с этим ребенком.

– Привет, золотко. – Женщина наклонилась, уперев руки в колени. – Ты знаешь, где твоя мамочка?

– Ее мама *дома*. – Эмира дважды постучала пальцем по ключице: – Говорите со *мной*.

– То есть вы утверждаете, – охранник решил внести ясность, – что некая случайная женщина, живущая в трех кварталах отсюда, попросила вас присмотреть за ее ребенком в это время суток?

– *Огосподибожже*, нет. Я совсем не это сказала. Я ее *няня*.

– Несколько минут назад тут была еще одна девушка, – сказала женщина охраннику. – По-моему, она только что ушла.

На лице Эмиры отразилось изумление. Похоже было, что ее отменили. Ее существование признали недействительным. Она чувствовала себя так, как если бы, высмотрев в толпе подругу, стала ей махать и говорить в телефон: *Ты ме-*

ня видишь? Ну вот же я, машу рукой.

– Они отплясывали, – продолжала женщина, покачав головой, – даже не знаю, как сказать... что-то вроде тверка или как это называется? И я подумала: ну нет, в этом явно что-то не то.

– Эммм... – Голос у Эмиры вдруг сделался очень высоким. – Вы это сейчас серьезно?

Брайар чихнула в Эмирину ногу.

«Пенн-Стейт» подошел ближе. Перед собой, на уровне груди, он держал телефон – снимал видео.

– Огосподибоже. – Эмира загородила лицо пальцами с облупившимся черным лаком на ногтях, как будто случайно попала в кадр чужой групповой съемки. – Вы можете отойти?

– Думаю, запись может вам пригодиться, – сказал он. – Хотите, вызову полицию?

Эмира опустила руку и спросила:

– Зачем?

– Скажи-ка нам, большая девочка, – специальным задушевым голосом спросил охранник, присев на одно колено, – кто это с тобой?

– Лапушка, – ласково произнесла женщина, – это твоя подружка?

Эмира хотела наклониться к Брайар, обнять – может, увидев ее лицо прямо перед собой, Брайар обратится к ней по имени? – но она знала, что у нее катастрофически короткая

юбка, а тут еще и эта запись на телефон. Внезапно ее судьба словно бы оказалась в руках ребенка, считавшего, что брокколи – это малышки-деревья и что если спрячешься под одеяло, то тебя никто не найдет. Брайар сунула пальчики в рот. Эмира задержала дыхание. Брайар сказала: «Мира», и Эмира подумала: *слава богу*.

Но охранник сказал:

– Не тебя, детка. Вот эту твою подружку. Ее как зовут?

– *Мира!* – выкрикнула Брайар.

– Это мое имя, – сказала Эмира охраннику. – Эмира.

– По буквам можете сказать? – спросил охранник.

– Эй-эй-эй, – попытался привлечь внимание Эмиры тот, с телефоном. – Вы не обязаны показывать удостоверение личности, даже если они потребуют. Закон штата Пенсильвания.

– Я знаю свои права, чувак, – сказала Эмира.

– Сэр? – Охранник встал и обернулся. – Вы не имеете права вмешиваться. Речь идет о преступлении.

– Стойте, что-о? *О преступлении?* – Эмире показалось, что она погружается на дно: вся кровь, сколько ее было в теле, теперь с шумом плескалась в ушах и за глазницами. Она наклонилась, подхватила Брайар на руки, расставила ноги для равновесия и отбросила волосы за спину. – О каком таком преступлении? Я *работаю*. Я в данный момент зарабатываю деньги, и, спорим, я получаю в час больше, чем вы. Мы сюда пришли посмотреть на орешки – так что, мы арестованы или можем идти? – Говоря все это, Эмира прикры-

вала ушко Брайар, а та погрузила ручку в глубокий треугольный вырез Эмириного топа.

Стукачка снова поморщилась, поднесла ладонь ко рту и на этот раз сказала: «О черт».

– Значит, так, мэм? – Охранник тоже шире расставил ноги – под стать Эмире. – Вы задержаны и вам задают вопросы, потому что под угрозой безопасность ребенка. Пожалуйста, опустите ребенка на пол.

– Окей, знаете что? – Эмира принялась извлекать телефон из крошечной сумочки; левая ее лодыжка мелко дрожала. – Я сейчас позвоню ее отцу, и он придет. Он белый и старый, так что вам всем тут сразу полегчает.

– Мэм, ну-ка, успокойтесь. – Выставив ладони в направлении Эмиры, охранник опять заглянул в глаза Брайар: – Скажи, детка, сколько тебе годиков?

Эмира вбила в телефон первые четыре буквы контакта **Питер Чемберлен** и нажала на ярко-голубой номер. Сердце чуть не выпрыгивало из груди – она чувствовала его удары под ладошкой Брайар.

– Сколько тебе годиков, зайка? – подключилась женщина. – Два? Три? – И, повернувшись к охраннику, сказала: – На вид около двух.

– Огосподибоже, ей почти три, – пробормотала Эмира.

– Мэм! – Охранник уставил палец ей в лицо. – *Я обращаюсь к ребенку!*

– Да-да, конечно. К кому же еще. Би, посмотри на меня. –

Эмира заставила себя сделать веселое лицо и дважды чуть подбросила малышку на руках. – Сколько тебе лет?

– Раз, два, три, тетыре, пять!

– А мне сколько лет?

– С днем рожденья!

Эмира перевела взгляд на охранника:

– Довольны? – Гудки в телефоне прекратились. – Мистер Чемберлен? – произнесла она. В трубке что-то щелкнуло, но никто не отозвался. – Алло! Это Эмира. Вы меня слышите?

– Я сам хочу поговорить с ее отцом, – сказал охранник и потянулся за ее телефоном.

– Какого хера? Не прикасайтесь ко мне! – Эмира все телом развернулась, и Брайар ойкнула. Она прижимала к груди Эмирины черные синтетические волосы, перебирая их, точно четки.

– Не стоит к ней прикасаться, – предостерег охранника «Пенн-Стейт». – Она не оказывает сопротивления. Она звонит отцу ребенка.

– Мэм, пожалуйста, будьте любезны, передайте мне телефон.

– Слушай, перестань, ты не имеешь права забирать у нее телефон!

Охранник, по-прежнему протягивая руку к телефону Эмиры, развернулся и гаркнул:

– Отойдите, сэр!

С прижатым к уху телефоном, с руками Брайар в своих во-

лосах, Эмира завопила: «Да ты даже не коп! Сам отойди!» – и увидела, как меняется его лицо. *Вот теперь я тебя вижу насквозь*, говорили его глаза. *Вот теперь я точно знаю, кто ты такая*, – и у Эмиры перехватило дыхание, когда он начал вызывать подкрепление.

И тут в ее телефоне раздался голос мистера Чемберлена. «Эмира?» – произнес он. И потом: «Алло?»

– Мистер Чемберлен? Вы можете прямо сейчас прийти в «Маркет депо»? – Теперь в ее собственном голосе – как раньше в голосе миссис Чемберлен по телефону – сквозила с трудом сдерживаемая паника. – Потому что они тут думают, что я похитила Брайар. Пожалуйста, можете прийти поскорее?

Он пробормотал что-то среднее между *Чтооо?* и *О боже*. Потом сказал:

– Уже иду.

Эмира никак не предполагала, что внезапно наступившая тишина окажется хуже яростных обвинений. Пока они выжидали, чья же возьмет, на лицах всех пятерых была написана скорее скука, чем праведное возмущение. Эмира играла в гляделки с полом, Брайар гладила ее волосы. «Как грива у моей лошадки», – сказала она, а Эмира чуточку подбросила ее и сказала: «Угу. Это очень дорогая прическа, так что, пожалуйста, аккуратнее». Наконец она услышала звук разъезжающихся автоматических дверей, быстрые шаги – и из ряда с хлопьями для завтрака вынырнул мистер Чемберлен, а Брайар показала на него пальчиком и объявила: «Это папа».

Мистер Чемберлен, судя по его виду, всю дорогу бежал бегом – на носу выступили бисеринки пота. Он положил руку Эмире на плечо:

– Что тут происходит?

Эмира вместо ответа передала ему дочь. Стукачка отступила на шаг и сказала: «Вот и славно, тогда я пошла, а вы сами разберетесь». Охранник начал извиняться и оправдываться, сдернув с головы форменную фуражку, и тут как раз явилось подкрепление.

Эмира не стала ждать, пока мистер Чемберлен закончит читать охранникам лекцию о том, что он их давний покупатель, что они не имеют права задерживать людей без должных оснований и что с их стороны совершенно неуместно подвергать сомнению его родительские решения. Она просто шепнула ему:

– До завтра.

– Эмира, – сказал он, – подождите. Позвольте я вам заплачу.

Она замахала руками:

– Вы мне платите по пятницам. Пока, Брай, увидимся на твоём дне рождения.

Но Брайар на плече мистера Чемберлена уже засыпала.

Выйдя наружу, Эмира побежала за угол, в противоположном от дома Чемберленов направлении. Она остановилась перед закрытой кондитерской, где на витрине за опущенной решёткой были выставлены капкейки; пока она набирала со-

общение, сама не зная кому, руки все еще дрожали. Глубоко вдыхая через нос и выдыхая через рот, Эмира пролистала длинный список песен – сотни названий. Она покачала бедрами и одернула юбку.

– Эй-эй-эй. – На углу показался «Пенн-Стейт» и зашагал напрямик к ней. – Эй, как вы? Все нормально?

Эмира слегка пожала плечами – тоскливое движение *ну-я-не-знаю* — и прикусила щеку, держа телефон на уровне живота.

– Слушайте, это ни в какие ворота не лезет, – сказал он. – Я все снял. На вашем месте я бы послал это дело прямо в новости, и тогда вы бы могли...

– Ффух. Ага... но нет, нет. – Она отбросила волосы с лица. – Ни за что. Но... все равно спасибо.

Он помолчал, провел языком по зубам.

– Окей, но этот тип вел себя как полный мудака. Вы не хотите, чтобы его выперли с работы?

Эмира рассмеялась.

– Чтобы что? – Она переступила с ноги на ногу на своих высоченных шпильках и сунула телефон обратно в сумочку. – Чтобы он пошел в другой магазин и околачивал там груши за девять долларов в час? Я вас умоляю. Не хватало, чтобы кто-нибудь погуглил мое имя и увидел меня под мухой, с чужим ребенком на руках в долбаном супермаркете на Вашингтон-сквер.

Мужчина выдохнул и поднял руку – *сдаюсь*. Под другой

рукой у него был зажат бумажный пакет «Маркет депо».

– Я в том смысле... – Он упер свободную руку в бедро. – Они бы вас завалили бесплатными продуктами, на целый год хватило бы. Это как минимум.

– А, ну да, конечно. Затариться на год каким-нибудь дерьмом типа комбучи.

Он рассмеялся:

– Справедливо.

– Можно мне ваш телефон, – Эмира пошевелила указательным и средним пальцами, протягивая руку. – Это нужно удалить.

– Вы точно этого хотите? – спросил он осторожно. – Я серьезно. Это тянет на большой материал. Типа, на целую статью.

– Я не журналистка, – сказала Эмира. – И в интернете не зависаю, так что...

– Погодите, а как вам такой вариант? – Он достал телефон. – Дело ваше, я с удовольствием удалю. Но давайте сперва отправлю вам на мейл, мало ли, вдруг передумаете.

– Я не передумую, но...

– Чисто на всякий случай... Вот, вбейте свой адрес.

Просто потому, что дать ему адрес было легче, чем отговорить, Эмира, придерживая одной рукой ремешок сумочки, другой начала было набирать свой мейл. Но, увидев в поле «От кого» KelleyTCopeland@gmail.com, она остановилась и спросила:

– Стоп, какая на хер Келли?

Он моргнул:

– Келли – это я.

– А. – Эмира закончила набирать адрес и подняла взгляд. – Что, вот прямо так?

– Ладно, ладно. – Он забрал у нее свой телефон. – Я в школе учился, меня этим не проймешь.

Эмира улыбнулась:

– Неудивительно, что вы ходите в этот магазин.

– Эй, вообще-то я в него не хожу. – Он рассмеялся. – Но да, вы меня вогнали в краску. У меня сейчас в этом пакете два вида комбучи.

– Угу, – сказала она. – Вы удалили?

– Да. Все, ничего нет. – Он показал ей экран и прокрутил назад. Последним оказалось фото неизвестного мужчины с желтым самоклеящимся листочком на щеке. Что было написано на листочке, она не разглядела.

– Окей. – Эмира убрала прядку волос, прилепившуюся к покрытым блеском губам, и послала ему грустную – *ну-я-не-знаю* – улыбку. – Окей. Тогда пока.

– Ага, счастливо, спокойной ночи, берегите себя.

Он явно рассчитывал не на такое прощание, но Эмире было все равно. Она направилась к станции метро, по пути набирая сообщение Заре: **Приезжай как только сможешь.**

Эмира могла бы взять такси – миссис Чемберлен наверняка оплатит ей поездку, – но не стала, потому что никогда так

не делала. Она мысленно отложила эту будущую двадцатку и поехала в Кенсингтон, где снимала квартиру, на метро. Во втором часу ночи Зара позвонила в домофон.

– У меня это на голову не налазит, – сказала Зара, сидя на Эмирином унитазах. Взгляды подруг встретились в зеркале, перед которым Эмира смывала макияж. – Потому что, ну... – Зара обхватила лицо руками. – С каких пор хип-хоп считается тверком?

– Не знаю. – Эмира стерла помаду махровой салфеткой. – Кстати, если что, – добавила она с извиняющимся видом, – мы с ними там это обсудили. И все сошлись на том, что я танцую лучше тебя.

Зара закатила глаза.

– Не то чтобы мы с тобой соревновались, – сделала вторую попытку Эмира. – Просто я победила, вот и все.

– Мать, – сказала Зара, – это могло *очень* плохо кончиться.

Эмира рассмеялась и сказала: «Зи, все норм», но потом прижала тыльную сторону ладони ко рту и беззвучно заплакала.

Два

С 2001 по 2004 год Аликс Чемберлен разослала больше сотни писем и получила бесплатные образцы товаров на сумму больше девятисот долларов. В числе этих товаров были кофе в зернах, шоколадные батончики «Луна», пробники косметики, ароматические свечи, специальная липучка, которой она прилепляла к стене плакаты в своей комнате в общежитии, подписные журналы, солнцезащитные кремы, маски для лица – всем этим Аликс делилась с соседками по комнате и другими девочками на этаже. Основным предметом в Нью-Йоркском университете у нее был маркетинг, а дополнительным – финансы, и на втором-третьем курсах она писала отзывы о продукции для студенческой газеты. На последнем курсе Аликс газету бросила и устроилась стажером в крохотный журнальчик – писать обзоры косметики, но рассылать письма не перестала. На плотной фактурной бумаге романтическим почерком с завитушками Аликс мило и вежливо просила прислать ей вещи, которые ей нравились, и крайне редко бывало, чтобы она не получила того, что хотела.

На протяжении следующих четырех лет Аликс писала письма в известные компании – «Рэй-Бэн», «Конан О’Брайен», «Сколастик», «Кьюриг», «Лулулемон», «Смартуотер», «Дабл Ю Отель» и сотни других. В основном это были прось-

бы, сопровождаемые лестью и обещаниями, но зачастую и тактичные нарекания с предложениями, как сделать лучше. Аликс отлично фотографировала; снимки вещей, полученных бесплатно, а также своих писем, благодаря которым эти вещи у нее появлялись, она выставляла в своем блоге. Вести блог она начала почти случайно, под влиянием момента, но сколько-то преданных подписчиков у нее набралось. Примерно в это время она познакомилась с Питером Чемберленом.

Аликс тогда было двадцать пять, Питера она встретила в баре, и, если совсем честно, он казался ей гораздо выше, пока в конце разговора не встал с барной табуретки. Однако Питер не только совпадал с Аликс по росту, но и подходил ей по характеру. Ее восхищали некоторые его привычки, изысканные, но не показушные: как он бросал в свой стакан с водой листочки мяты или молча вписывал в чек тридцать процентов чаевых. Но что ей вмиг понравилось в нем больше всего – так это то, что он сразу воспринял ее побочный проект как настоящую работу. У Аликс была манера говорить о своих письмах самоуничижительно: «Ну, в общем, я... я пишу письма и обзоры и веду блог... но это мелочи, это совсем несерьезно...» Питер попросил ее рассказать об этом еще раз, но по-другому – представив, что это серьезно. Сам он прошел путь от обычного журналиста до ведущего новостной программы. Он вырос в богатом пригороде Нью-Йорка, был на восемь лет старше Аликс, не считал странным накла-

дывать макияж перед выходом в эфир и твердо верил в необходимость создания собственного бренда. Когда в двадцать восемь лет Аликс вышла за Питера, ее свадебные туфли, белое вино и подарочки для гостей были получены бесплатно – благодаря ее письмам, написанным от руки, великолепным почерком, с обещаниями хвалебных отзывов. Во время медового месяца на Санторини Питер помогал ей сочинять эти дифирамбы.

Когда Аликс работала в Хантер-колледже Городского университета Нью-Йорка, в студенческом отделе, одна приятельница – преподавательница английского в «Коламбии», старейшей частной школе на Манхэттене, – попросила ее провести для выпускного класса семинар: как написать успешное сопроводительное письмо при поступлении в университет. Среди участников семинара оказалась семнадцатилетняя Люси с неправдоподобно белыми зубами, нежно-розовыми волосами и тридцатью шестью тысячами подписчиков в Инстаграме. Через три месяца после семинара Люси выставила в своем аккаунте фото: черновик сопроводительного письма, написанного с помощью Аликс, на фоне небрежно разбросанных писем отовсюду, куда ее готовы были принять: Калифорнийский университет в Ирвайне, Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, Фордемский университет в городе Нью-Йорке и Эмерсон-колледж в Бостоне. Подпись гласила: *Всем этим я обязана Аликс. Честно, без нее я бы и в половину этих мест не рискнула сунуться.*

То, что она сделала из моей заявки, – просто бомба. Дальше шли хэштеги: #просите_и_вам_откроют, #напиши_письмо и #мой_почерк. Пост Люси собрал больше 1700 лайков, и буквально в одну ночь Аликс Чемберлен стала брендом. Ее пристрастие к получению бесплатных вещей быстро превратилось в философскую концепцию: письмо подчеркивает индивидуальность женщины, помогает ей уверенно выражать себя, возвращает коммуникации изначальный смысл. Глубокой ночью Аликс изменила свое био в Инстаграме на #собственный_почерк. Питер велел, чтобы она, во-первых, сделала ребрендинг своего сайта, а во-вторых, пообещала не забыть его, Питера, когда станет знаменитой.

В год, когда ей исполнилось двадцать девять, Аликс уволилась из Хантер-колледжа и начала проводить семинары – в реабилитационных центрах, на выездных встречах руководителей, в университетских женских клубах, на ярмарках вакансий, – где учила составлять сопроводительные письма и готовиться к собеседованию при поступлении в университет и на работу. Абитуриентки валом валили на ее мероприятия, папка «Входящие» ломилась от «Спасибо!» и «Я поступила!». Тем временем один фешенебельный магазин канцелярских товаров предложил Аликс поучаствовать в продвижении новой линии офисных принадлежностей для деловых женщин. Бумага была цвета слоновой кости, ручки – темно-синие, и Аликс во второй раз (первый был в газете Городского университета) выступила в печати, в журнале «Тин

Вог». Ее большие голубые глаза и удивительно длинные ноги как нельзя лучше смотрелись на глянцевых страницах. И на своем обновленном сайте на фотографии в разделе «Об Аликс» она сидела, смеясь, на краешке офисного стола, у ног ее высились готовые пересыпаться через край стопки писем в прозрачных органайзерах, густые песочного цвета волосы были собраны на макушке в очаровательно-небрежный пучок.

Питер верил в нее; он всегда в нее верил. Конечно, результаты ее трудов были ощутимы – ее новые стажерки собирали благодарные отзывы и фотографировали их для блога, – но Аликс все же часто поражалась огромной вере в ее способности. Ее, вместе с владелицами малого бизнеса, приглашали на дискуссии типа «Как удержать ценных сотрудников» или «Как стать креативным лидером». Она участвовала в феминистских подкастах о корпоративной культуре, благоприветствующей раскрытию творческого потенциала женщин в отраслях высоких технологий. Однажды она выступала на семинаре под названием «Как сделать первый шаг», где двести одиноких женщин пили шампанское из прозрачных пластиковых стаканчиков прямо в лекционном зале. Аликс обожала писать письма и считала, что у нее отлично получается, но «Собственный почерк» процветал именно благодаря доверию и восхищению тех, кто ее окружал.

И однажды утром во время делового бранча, когда Аликс объясняла группе школьных учительниц, как важно учить

писать от руки красиво и ровно, письменными буквами, а не печатными, в животе внезапно всколыхнулась такая мощная волна, что она подумала: *только бы я не была беременна*. Но она как раз таки была – и две недели спустя, на углу Университетской авеню и 13-й улицы, Питер расплакался, когда она подтвердила ему новость, и сразу же спросил: «Мы переезжаем?»

Переезд в Филадельфию, на родину Аликс, был их планом на отдаленное будущее с тех самых пор, как четыре года назад они познакомились. Аликс хотела собственный дворик за домом и детей, которые смогут играть в этом дворике; она хотела, чтобы ее дети катались на велосипедах в знакомом безопасном тупичке или на такой улочке, где не торгуют поддельными сумками и не опускают с лязгом железные роллеты над винным магазином. Но сейчас, с высоты своей новой карьеры, которую она прежде не могла и вообразить, Аликс вздрогнула и отшатнулась. «Нет, нет, – сказала она Питеру, – не сейчас, не сейчас».

Родилась Брайар Луиза, и мир Аликс стал состоять из детских манежей, приборчиков для белого шума, потрескавшихся сосков и разрезанных пополам виноградин. Она внезапно начала говорить о себе в третьем лице («Это мамина сережка», «Мама говорит по телефону»), измерять возраст в месяцах, а не в годах, прибавлять ко всему *большую девочку*, оживляя быт (ложечка большой девочки, джинсы большой девочки, большая девочка легла поспать) и принимать

слюнявые, с открытым ртом, поцелуи крошечного человека, который лишь недавно начал существовать вне ее тела.

К этому времени у Аликс уже была команда, состоящая из ассистентки-редактора и двух стажеров, а также «офисное пространство», перетекающее в кухню их квартиры в Верхнем Вест-Сайде. Питер хотел переехать. Его мечта стать ведущим главных городских новостей разбилась о реальность; появляясь на экране по вечерам пять раз в неделю, он рассказывал телезрителям Ривердейла² – их было от силы тысяч восемь – о благотворительных свадьбах породистых собак, об изъятых из продажи игрушках и о том, как туристы на Таймс-сквер состязаются в гонке с препятствиями в надежде выиграть подарочные сертификаты на всякую электронику. Тем временем в Филадельфии сразу несколько маститых журналистов собрались на покой, и их оклады вполне соответствовали тому, что Питер получал в Ривердейле. Вдобавок прошел слух, что их нынешнее жилье может перейти в кооперативное пользование. Переезд в Филадельфию был у них в планах всегда, но ведь звезда Аликс Чемберлен как раз начала восходить.

Ее обновленный блог, где излагались истории успеха женщин-которые-пишут-письма-получают-повышения-и-добиваются-всего-чего-хотят, насчитывал шесть тысяч просмотров в день. По договоренности с одной больницей она провела недельный благотворительный марафон

² Ривердейл – район в Бронксе, Нью-Йорк.

лекций, посвященных любовным письмам. В длинной черной мантии и академической шапочке она выступала с речью на двух сугубо девичьих выпускных, перед рядами пытливых вдохновенных лиц. И еще, в придачу к карьерному взлету, у Аликс впервые со студенческих лет появилась компания подруг. Рейчел, Джоди и Тамра были умные, яркие, саркастичные, у них тоже были маленькие дети и успешные карьеры, и оказалось, что не так уж и страшно растить ребенка, если в любую минуту можно написать подружкам в общий чат.

Но тут, буквально в один день, Брайар заговорила.

Ее голос, вырываясь из щели между большими передними зубами, поглощал все на своем пути. Он был громкий, и хриплый, и несмолкающий. Когда Брайар засыпала, казалось, будто наконец отключили пожарную сигнализацию, и у Аликс начинало пульсировать в висках от внезапной тишины, о существовании которой она успевала забыть. Подруги уверяли: у их детей все было точно так же, это просто возмущение от долгожданного вербального общения. Но для Аликс это оказалось слишком. Брайар непрерывно задавала вопросы, напевала, бормотала, перескакивала с одного на другое, рассказывала, что любит хот-доги, что однажды видела черепаху, что хочет сделать с мамой «хай-файв», что ни капельки не устала. Когда Аликс забирала Брайар у бабушки, мамы Питера, в Мидтауне, та открывала двери квартиры с отчаянной поспешностью, так хорошо знакомой самой Аликс. Она всегда слышала голос дочери еще из лифта, даже не до-

ехав до нужного этажа. Аликс управляла бизнесом, наслаждалась урывками тишины, рассылала литературным агентам предложения с идеей собственной книги и как-то днем, подняв креслице-качалку Брайар, осознала, что снова беременна. Питер, когда она в кухне сообщила ему об этом, скорее растерялся, чем обрадовался.

– Я думал... – Он помотал головой. – Я думал, это невозможно, пока ты кормишь грудью.

Алис поджала губы и придала лицу выражение «вот и я думала».

– Такое бывает редко, – сказала она, – но бывает.

– Аликс... Так продолжаться не может. – Питер показал на кухонный стол, превращенный в склад материалов для очередного проекта «Собственного почерка»: полароидные фотографии, плотная коричневая крафтовая бумага. Вдоль всего подоконника сохли на бумажных полотенцах детские чашки-поильники, формы для запекания были завалены пластиковыми бутылками, которые давно нужно было снести в мусорный контейнер. В то утро Питер, спустившись из спальни, наткнулся на одну из стажерок Аликс: наклонившись и низко опустив голову, она собирала волосы в хвост. Пока он делал себе кофе, обе стажерки надевали белые форменные футболки поло с вышитым на кармане слоганом «Собственный почерк». – У нас тут не хватит земли для второго цветка, – сказал он. А через два дня, когда пришло письмо из корпорации, покупающей их жилой ком-

плекс, Питер объявил: – Я звоню риелтору в Филадельфию.

Что ей было делать – отказаться? Жилья в Нью-Йорке отчаянно не хватало, и было бы безумием предлагать выкупить их квартиру или снять что-нибудь побольше. Да, она теперь зарабатывала много, как никогда раньше, – и нет, этого не было достаточно для комфортной жизни с двумя детьми в их нынешнем районе в Вест-Сайде. Разумеется, можно было бы поискать в Квинсе или Нью-Джерси, – но тогда с тем же успехом можно и переехать в Филадельфию. Аликс ведь и правда работала из дома. И Филадельфия не так уж и далеко. А главное, она теперь действительно стала такой, какой рисовала себя Питеру тогда, в баре, в день знакомства. «Думаю, я выдержу в этом городе еще от силы года три, – сказала она ему тогда. – И каждый раз, когда в метро я сажусь на лужу пота от чьей-то задницы, этот срок на пару недель сокращается». Это было из тех свойств, которые Питеру в ней особенно нравились: что она не стремилась засветиться на всех тусовках, любила выбираться за город, прекрасно водила машину и хотела, чтобы в Хэллоуин их дети ходили за конфетами в соседские домики, а не в соседние подъезды и не в сетевую аптеку «Дуэйн Рид».

А значит – да, переезд. С Нью-Йорком предстояло расстаться. Однако момент для этого был – хуже не придумаешь. Аликс как раз трудилась над очень важным письмом, своим собственным: в предвыборный штаб госсекретаря Хиллари Клинтон, которая только что объявила, что бал-

лотируется в президенты. Что было более чем кстати, поскольку феминистская платформа Хиллари идеально соответствовала бренду Аликс, а когда твое имя ассоциируется с именем Хиллари, ты можешь оставаться актуальной фигурой, даже не живя в самом актуальном городе страны. К счастью, у ее дорогой подруги Тамры была одна знакомая, у которой была другая знакомая – консультантка избирательной кампании Хиллари. После четырех черновиков и бесконечных колебаний между «Всегда Ваша, Аликс» и «Искренне, Аликс» она наконец нажала «Отправить», рассчитывая, что ее бескорыстное предложение волонтерской помощи неплохо окупится. Но шли недели, а ответов все не было – ни от этой консультантки, ни от литературных агентов.

Внезапно оказалось, что все уже собрано и упаковано для переезда, но темп деловой жизни Аликс ничуть не замедлился, такого она допустить не могла. Она это все любила: сидеть на конференциях, слушать блистательных женщин в платьях-рубашках оверсайз и яркой помаде, получать восторженные мейлы от юных девушек, принятых на перспективные стартовые должности. Но из штаба Клинтон по-прежнему не было ни слова – равно как и от шести литагентов, которым она отправила предложение. В разгар фандрайзингового мероприятия или благотворительного завтрака, пожимая руки вдохновленным выпускницам, Аликс думала: *И это мой предел? Это все, на что я способна?*

Но в утро перед последним своим выступлением в Нью-

Йорке – ей предстояло участвовать в панельной дискуссии на конференции «Леди малого бизнеса» – Аликс решила, внезапно и не додумывая эту мысль до конца, не сцеживать молоко. Она позвонила стажерке, той, у которой был самый большой бебиситтерский опыт, и спросила: «Вы не против, если во время дискуссии Брайар посидит у вас на коленках?»

На сцене одного из театров в Сохо Аликс расположилась за столом между двумя докладчиками, один был ведущий подкаста, другой – известный по реалити-шоу отец пяти девочек-близняшек. В зале сидели три сотни человек, речь шла об охране репродуктивного здоровья и о мотивирующих книгах для девочек, а груди Аликс – особенно левую – распирало от прилившего молока. Наконец, когда аудитория дружно рассмеялась шутке модератора, Брайар – на коленях у стажерки, в первом ряду – заворочалась и открыла глаза.

И сразу загнула: а почему мама там, наверху, а можно чипсов «Чирио», а можно слезть с коленок? Аликс, глядя на дочь, приложила палец к губам. Стажерка показала на дверь и одними губами спросила: *Увести ее?* Аликс помотала головой. Она ждала, пока к ней обратятся с очередным вопросом.

– Я думаю, часто бывает так: женщина всего лишь хочет себе места за круглым столом, – сказала Аликс. Микрофон, прикрепленный к вороту, добросил ее голос до самых дальних рядов. – Но люди слышат другое: «Я требую *особого* обращения», хотя ничего подобного сказано не было. И, честно

говоря... – Сердце у Аликс забилося чаще. – Прошу прощения, сейчас мне придется прерваться и прервать наш разговор. – Неужели она действительно это сделает? *Да*, ответила она себе, *да, именно*. – Мне еще много чего есть сказать по этой теме, но вон та беспокойная особа в первом ряду – моя дочь, и у нее есть все основания капризничать, потому что она очень долго спала, и теперь я, с вашего позволения... впрочем, нет, я не спрашиваю позволения. – Она встала из-за стола и двинулась к краю сцены, продолжая говорить и жестикулируя: – И теперь я намерена ее покормить, потому что я совершенно точно могу делать оба эти дела одновременно.

По залу пронесся гул удивления и одобрения. Аликс присела, раздвинув колени, протянула руки и взяла Брайар, которая тут же под умиленные ахи обхватила мамину шею.

– Можно мне ту футболку? – Аликс помахала рукой, и стажерка передала ей пастельно-розовую футболку, какие выдали всем участникам конференции. Аликс перебросила ее через плечо и направилась за кулисы.

Модератор, веселая аспирантка, воскликнула в микрофон:

– Молодчина, подруга! – И, повернувшись к кулисам, шепотом спросила: – Мне продолжать?

Но Аликс уже вернулась на сцену – с Брайар, приникшей к ее левой груди. Розовая футболка, переброшенная через плечо Аликс, скрывала из виду дочкину голову. Когда Аликс

снова села за стол, с ее правой руки очень мило свисали башмачки Брайар.

– Окей, вот теперь мы готовы. Совсем немного времени заняло, правда? – Аликс повернулась к модератору: – Я с радостью продолжу с того места, на котором прервалась.

И Аликс действительно продолжила с того места, на котором прервалась, а когда закончила, модератор, захлебываясь от восторга, поблагодарила ее дважды – «за ответ и за открытость». Затем, как и предполагала Аликс, спросила, как зовут ее дочурку и сколько ей, и Аликс постаралась, чтобы ее ответ прозвучал очень четко и разборчиво:

– Мою клиентку зовут Брайар Луиза. Ей два года, и у нее *идеально* получается быть двухлетней девочкой!

При этом улыбка Аликс ясно говорила: только попробуйте намекнуть, что мой ребенок перерос кормление грудью!

Конференционные фотографии роились под сценой, пятились в проход, ловя удачные ракурсы; Аликс сидела, скрестив лодыжки, между двумя мужчинами в костюмах и галстуках, кормила грудью ребенка, держа его над беременным животом, и при этом непринужденно отвечала на вопросы. Одна из фотографинь прошептала: «А можете поправить футболку, чтобы было видно лого?» Аликс рассмеялась, кивнула, разгладила ткань на виске Брайар и выровняла нижний край футболки. Теперь личико ее дочери закрывали черные буквы «Леди малого бизнеса» на нежно-розовом фоне.

В тот день у Аликс прибавилась тысяча подписчиков. «Леди малого бизнеса» опубликовали ее фото в Инстаграме с подписью: «Мы можем делать два дела одновременно». Два журнала для начинающих родителей захотели взять у Аликс интервью о кормлении грудью по требованию, о его преимуществах и о связанных с ним предрассудках. Аликс платила своим стажерам по двойному тарифу за дополнительный час, и они отвечали на письма, звонки и просьбы об интервью. Представительница штаба Клинтон позвонила Аликс на мобильный. Ужасно жаль, сказала она, что они пропустили в почте ее письмо, но в этом году намечено еще несколько мероприятий, и они будут очень, очень рады, если она сможет принять в них участие. Ответили и двое из литературных агентов. Не прошло и десяти дней, как Аликс продала свою еще не написанную книгу издательнице по имени Мора из «Харпер Коллинз», у которой тоже были дети и которая с пугающей скоростью отвечала на мейлы.

На крыльях успеха, вызванного сенсационным кормлением грудью на сцене, Аликс пронеслась через границу штата Пенсильвания в свой новый дом – и через третий триместр. В последний нью-йоркский день Аликс устроила для ассистентки и стажеров крошечную прощальную вечеринку в тесном офисе, где все было уже упаковано для переезда, наснимала кучу фотографий, но в интернете их не выставляла. Ни в блоге, ни в социальных сетях, ни в переписке с командой Клинтон она и словом не обмолвилась, что покидает

Нью-Йорк. Как только она им понадобится – сядет в поезд, и вот она уже здесь. Пока Аликс пишет свою книгу, пускай все думают, что она в Нью-Йорке. Когда девочки подрастут, она сможет приезжать чаще.

А потом, в Филадельфии, после недолгих – всего пять часов – родов на свет появилась Кэтрин Мэй, и ее личико мгновенно сделалось похожим на материнское. И, глядя в это крошечное, сморщенное, растерянное личико, Аликс подумала: *А знаешь что? Здесь все будет хорошо.*

Так оно и вышло. Вернулись все эти не-нью-йоркские детали, мелкие, но яркие: теперь у нее была машина, в которую с легкостью умещались все покупки, билет в кино стоил не четырнадцать долларов, а десять, и жила она на усаженной деревьями тенистой улице в трехэтажном красновато-коричневом особняке (семь минут пешком до Риттенхаус-сквер³) с внушительным мраморным парадным крыльцом и очаровательной кухней на втором этаже. В кухне было полно просторных рабочих поверхностей, а стол на шестерых, под большой люстрой, словно бы выглядывал на улицу, потому что располагался в эркере. По утрам, пока разогревались блинчики и варились яйца, Аликс с детьми могла сидеть в этом эркере и смотреть, как люди внизу выгуливают собак или как ездит туда-сюда мусоровоз. Отмечая такие вещи и осознавая их ценность, Аликс всякий раз ощущала крошечный всплеск радости и вслед за этим – мучительное жела-

³ Риттенхаус-сквер – район в центре Филадельфии вокруг одноименного парка.

ние показать их хоть кому-нибудь. Подругам. Стажеркам из «Собственного почерка». Незнакомцу на грязной платформе нью-йоркской подземки.

До переезда в Филадельфию Аликс никогда не нанимала бебиситтера. Мать Питера неизменно была на подхвате, а у всех трех подруг тоже были маленькие дети, и само собой подразумевалось, что кто-то всегда присмотрит еще за одним малышом, пока мама сбегает к зубному или на почту. Теперь же новые коллеги Питера с телевидения порекомендовали ей каких-то девушек, в результате чего она провела ряд собеседований, прямо на барных табуретках в своей новой кухне, со всякими Карли и Кейтлин, вожатыми в детских лагерях или менеджерами по поселению в студенческих общежитиях. Все они рассказывали, как обожают «Собственный почерк», как жалеют, что Аликс не было рядом, когда они подавали документы в колледж, и как они даже не догадывались, что она переехала в Филадельфию. И Аликс понимала, что от этих девочек толку не будет.

В Нью-Йорке ей прекрасно удавалось находить бесплатные товары, и поиск бебиситтера в Филадельфии не особенно отличался. Ее подруги никогда бы этого не сделали, но она завела себе аккаунт на городском сайте для поиска нянь и бебиситтеров и принялась пролистывать фотографии. Все казалось искусственным и однообразным, но, с другой стороны, две из трех своих манхэттенских квартир Аликс нашла по куцым сомнительным объявлениям на сайте; а что

в профиле Эмиры Такер не было фотографии, так Аликс и сама в двадцать лет жила невидимкой. Зато в этом профиле говорилось, что Эмира окончила Университет Темпл, что она владеет жестовым языком на начальном уровне и печатает со скоростью 125 слов в минуту. Аликс подумала: *Aga!* – и нажала «Пригласить на собеседование». После единственного телефонного разговора она позвала Эмиру домой и, открыв двери и впервые ее увидев, снова сказала себе: *Aga!*

Все прочие девушки расспрашивали Аликс, когда выйдет ее книга, и не собирается ли она рожать третьего, и встречалась ли она уже с Хиллари Клинтон; Эмира же вообще говорила крайне мало. Брайар сразу углядела в этом большие возможности и обрушила на двадцатипятилетнюю женщину словесный поток – про свой новый дворик, и про червяков, которых ей не разрешили потрогать, и что с надувным кругом можно играть только в бассейне. Когда Брайар замолчала, Эмира наклонилась к ней и спросила: «Окей, мисс, расскажете еще что-нибудь?»

А самое главное, Эмира Такер в жизни не слыхала о «Собственном почерке».

– Понедельник, среда и пятница. – Аликс разъясняла расписание в шестой раз – Эмира была шестой кандидаткой в бебиситтеры. – С двенадцати до семи. Иногда я буду брать Кэтрин с собой, она суперспокойный ребенок, а иногда просто буду сидеть в кафе за углом и писать.

– Окей. – Эмира села за стол в кухне рядом с Брайар и

вручила ей кусок теста для лепки. – Писать – для работы или для удовольствия?

– У меня свой собственный... – Аликс облокотилась на кухонную рабочую поверхность. – Вообще-то я сейчас пишу книгу.

– О, круто, – сказала Эмира.

Аликс ощутила нетерпение и досаду – она ждала, что Эмира спросит, о чем книга, или когда она выйдет, или в каком издательстве.

– Это будет скорее сборник старых писем, – сказала она в повисшей тишине.

– А, ясно, – кивнула Эмира. – То есть типа книга по истории?

Аликс потеревила цепочку на шее.

– Да, именно. Эмира, когда вы сможете начать?

С тех пор три дня в неделю Аликс часами сидела на солнышке – зачастую тут же рядышком, в тени, спала Кэтрин – и читала все, за чтением чего ее никто и никогда не застал бы на Манхэттене. Глянцевые «Аз уикли» и «Пипл». Откровения очередной героини реалити-шоу «Холостячка», переспавшей с четырьмя претендентами на ее руку. Однажды в пятницу, в углу ресторанного дворика на крыше, Аликс раскрыла ноутбук, разложила перед собой на столе листы бумаги – график работы над книгой, свое предложение литагентам – и просмотрела три выпуска «Охотников за международной недвижимостью». Кэтрин куксилась, только ес-

ли была голодна, и тогда Аликс брала ее на руки и со словами «Привет, мамина радость» прикладывала к груди под специальной шалью для кормления, полученной бесплатно. Вскоре стало очевидно, что мечта воспользоваться Эмиринскими навыками скоростного набора – смех, да и только: было бы что набирать. Однажды вечером в постели Питер сказал: «Здесь ты выглядишь намного счастливее».

Аликс не знала, счастливее она – или просто безопаснее. Она не только не сбросила лишний вес после родов, но и набрала еще. Она гораздо меньше сидела за компьютером, чем в Нью-Йорке, и спала гораздо больше, чем после рождения Брайар. Но однажды в сентябре, в субботу, в 10:45 вечера, треск яйца, влетевшего в окно у парадного входа, выдернул Аликс из крепкого сна. Сначала она не поняла, что это за звук, но последовавший за ним выкрик «Дерьмо расистское!» вмиг вернул ее к реальности. Она протянула руку, растолкала мужа, они вместе бросились к лестнице. Глядя вниз, они наблюдали, как яйца одно за другим раскалываются о стекло, как медленно стекает желток. «Я же тебе говорил», – сказал Питер, и тут же два следующих яйца пробили оборону. Осколки стекла, яичная скорлупа, длинная лента желтка и белка – все влетело в дом Чемберленов. От этой атаки и от изумления у Аликс перехватило дыхание. Сумев наконец вдохнуть, она услышала юный смех, топот убегающих ног в кроссовках и голос: «Бля! Быстрее!»

Кэтрин заплакала, а Брайар позвала: «Мама?»

Питер сказал: «Я звоню в полицию». И потом: «Черт, черт. Я же *говорил* тебе, что так будет».

В то утро Лейни Тэккер, соведущая Питера, представила сюжет о милой традиции школы «Бикон Смит», где парни с особой изобретательностью приглашают девушек на школьный бал выпускников. Питер воодушевленно подхватил: «Итак, наша корреспондентка Мисти отправилась в “Бикон Смит” в поисках романтики». Пошла серия клипов с закадровым голосом Мисти. Лица учеников, интервью с учителями, фотосессия на фоне гигантской инсталляции из воздушных шариков, группа поддержки ведет веснушчатую девочку к центральной линии, болельщики оглушительно вопят, появляется парень в футбольной форме с коробкой пиццы. Он открывает коробку – внутри на крышке написано: «Пойдешь со мной на бал», а на пицце выложен гигантский вопросительный знак из кружочков пепперони.

Последний клип был такой: невысокий паренек в закрывающей лицо белой маске, с очень густыми волосами, подстриженными «площадкой», решительным шагом подходит к компании девочек, ставит на землю бумбокс и нажимает клавишу. Друзья в таких же масках жестами освобождают место для брейк-данса, а девочка, ради которой все это затевалось, изумленно закрывает рот руками, когда все ее подружки достают телефоны и начинают снимать. После кружения на голове и ряда сложных трюков и жестов танцоры скидывают белый флаг с надписью маркером: «Пойдешь со

мною на бал?» – а тот чернокожий подросток сбрасывает маску и протягивает девочке розу, девочка отвечает согласием.

Под радостные крики всех участников действия Мисти передала слово ведущим в студию.

– Просто вау! – воскликнул Питер.

– Это было *очень* впечатляюще, – подтвердила Лейни. – Меня уж точно никогда так не приглашали на танцы.

– Ну что же. – Питер покачал головой и скорчил гримасу в камеру, сверкнув зубами. – Будем надеяться, тот последний парень сначала спросит разрешения у ее отца. Спасибо, что были с нами этим субботним утром – и до встречи завтра в «Новостях Филадельфии».

Реакция последовала мгновенно.

Одобрительные комментарии под видео, которое сразу стало доступно онлайн, перемежались возмущенными и недоумевающими:

Хм, это почему же черный парень должен спрашивать разрешения у подружкиного папы, а белые не должны?

Слегка по-сексистски звучит, вам не кажется? У нас что, XVIII век?

Какого хера? Как у него язык повернулся?

Аликс сидела в кофейне и работала, что на тот момент означало смузи, коктейль «Мимоза» и переписку в чате с манхэттенскими подругами. Она сказала Питеру, что это всего лишь одна школа, что ничего страшного, что никто об этом и не вспомнит. (Голова от шампанского слегка кружилась, и Аликс поймала себя на мысли: *Раз это случилось не в Нью-Йорке, то, честно, кого это вообще волнует?*) Но Питер сгорал от стыда. «Как-то само вырвалось, – говорил он. – Не знаю, почему я... просто вырвалось». Аликс утешала его, заверяла, что на самом деле все не так ужасно.

И вдруг оказалось, что все *так* ужасно. Когда разбилось стекло, Аликс выхватила младшую дочь из кровати с такой скоростью, что Кэтрин чуть не выпрыгнула у нее из рук. Ее, Аликс, мир стремительно уходил под воду. А если Питера уволят? Питер утром сразу отправился к продюсерам программы извиняться за промах, и они вроде бы отнеслись к этому снисходительно – «ну, бывает» и «вы же у нас совсем недавно». Но что, если они передумают, когда увидят, как разъярились эти школьники? Аликс снова глянула вниз, увидела брызги стекла, разлетевшиеся по плиточному полу и увязшие в склизком яйце. *А если об этом узнают в штабе Клинтон и решат, что ее муж – сексист? Или, хуже того, расист? Как она вообще здесь оказалась? И почему она такая толстая? И чей вообще это дом?*

Питер взял на руки Брайар, которая заткнула уши. «Я не

люблю это... этот шум, – сказала она. – Я не... Я не хочу громко, мама».

«Тшш, – сказала ей Аликс – наверное, в сотый раз за эту неделю. Потом повернулась к Питеру: – Попробую дозвониться Эмире». Питер, с прижатым к уху телефоном, кивнул.

И когда через какие-то пятнадцать минут появилась Эмира – в ультракороткой юбке из искусственной кожи, в очень открытых босоножках с ремешками и на высоченных шпильках, на которых она удивительно легко передвигалась, – Аликс вложила ей в руку тоненькое запястье Брайар, думая: *Стоп, минутку, а ведь она... О боже... а если она знает, что ляпнул Питер?* В один миг вдруг оказалось: если Эмира знает, что сказал с экрана Питер, то это гораздо хуже, чем если бы узнала та, у кого есть все шансы стать первой женщиной-президентом Соединенных Штатов.

И пока Питер беседовал с двумя полицейскими, Аликс в ослепительном свете люстры осторожно собирала осколки в полотенце для рук. В паузах между длинными, печальными движениями она говорила себе, что пора, на хер, проснуться. Написать долбаную книжку. Жить в Филадельфии. Поближе узнать Эмиру Такер.

Три

В Мэриленде есть город Сьюэлл-Бридж, где шесть с половиной процентов населения (5850 человек) – слабослышащие. В этом городе и родилась Эмира Такер. У самой Эмиры слух был идеальный, как и у ее родителей, и у брата с сестрой, но все Такеры имели склонность к какому-нибудь ремеслу и предавались своему делу с почти что религиозным пылом, а Сьюэлл-Бридж как нельзя лучше соответствовал такой жизненной философии. В семье Такеров все работали руками.

У мистера Такера был магазинчик продуктов пчеловодства, и часто прямо там же стояли гудящие ульи. Обычно у него трудилось несколько работников – он нанимал глухих, – но сам он все равно не тратил времени ни на какие дела, не связанные с пчелами. Миссис Такер переплетала книги на застекленной веранде, изготавливала детские и свадебные альбомы, реставрировала Библии, и ее верстак был вечно завален иглами, лоскутами кожи, фальцевальными косточками и лентами для скрепления альбомов.

Альфи Такер, которому был двадцать один год, еще в 2013-м занял второе место в Национальном конкурсе латте-арта. Его пригласили на стажировку в одну кофейню в Остине, штат Техас, и там он обучал начинающих бариста – в кожаном фартуке, сшитом матерью. А девятнадцатилетняя

Джастина шила. У нее был свой онлайн-магазинчик, и она брала заказы на хэллоуинские наряды и на платья для девочек, рассыпающих на свадьбах лепестки роз. Едва она окончила школу, как местный двухгодичный колледж нанял ее шить костюмы для предстоящих спектаклей «Наш городок» и «Однажды на этом острове».

Поскольку интересы Эмириных домашних возникли так естественно и поскольку университет казался вполне подходящим местом, где можно провести время в ожидании, пока и для нее найдется любимое занятие, Эмира стала первым бакалавром в семье. Именно в годы учебы в Темпле она познакомилась с Зарой (в очереди на фото для студенческого билета), в первый раз напилась (ее вырвало в наружный карман сумки) и купила свои первые накладные волосы (длинные, черные, волнистые, объемные) на деньги, которые накопила, подрабатывая в свободное время в библиотеке.

В Темпле Эмира попробовала приноровить руки к официальному жестовому языку, однако дело не пошло – оказалось на удивление трудно забыть тот сленг, с которым она выросла в Сьюэлл-Бридж. Еще она занялась компьютерным набором и расшифровкой устной речи, рассудив, что умение это не только перспективно для дальнейшей работы, но и осмысленно. На четвертом курсе Эмира набирала на компьютере конспекты по тринадцать долларов за лекцию для двух глухих студентов. Это была одна из причин, почему по окончании пятилетней учебы в Темпле она получила диплом

по специальности «английский язык». Эмира была совсем не против того, чтобы читать книги или писать сочинения, однако в этом отчасти и заключалась проблема. У нее так и не появилось любимое дело, но, с другой стороны, никакие дела не вызывали у нее особого протеста.

После университета Эмира поехала на лето домой и отчаянно заскучала по Филадельфии. Вернулась она туда со строгим отцовским наставлением: найди себе дело и держись за него. Так что она записалась на курсы расшифровки речи – и горячо их возненавидела. Сидеть нога на ногу запрещалось. Запоминать медицинские термины было невыносимо. И когда на ее стенографической машинке сломалась клавиша, вместо ремонта (который обошелся бы в сотни долларов) Эмира попросту бросила курсы и пошла устраиваться на работу на неполный день, которую нашла через сайт объявлений. В небольшом офисе на шестом этаже высотного здания, в просторной, разделенной перегородками комнате с табличкой на двери «Зеленая партия Филадельфии» белая женщина по имени Беверли, в футболке и в джинсах, спросила, действительно ли Эмира печатает сто двадцать пять слов в минуту. «Да, – ответила Эмира, – но только если можно будет сидеть нога на ногу». В крошечном закутке, в мягких наушниках, по вторникам и четвергам с полудня до пяти Эмира расшифровывала и набирала тексты устных докладов и совещаний. Когда работы было мало, Беверли просила ее отвечать на телефонные звонки.

Университет Темпл еще два года после того, как Эмира получила диплом, любезно продолжал приглашать ее, когда возникала потребность в расшифровке, но все же они предпочитали придерживаться несложную работу такого рода для теперешних студентов, поэтому честно предупредили Эмиру, что к лету придется распрощаться. Эмира так и не призналась семье, что бросила курсы расшифровки. Ей хотелось, чтобы на их месте появилось что-то другое, не холодная пустота. В тихой панике Эмира поменяла на бебиситтерском сайте дни, когда она доступна, на понедельник, среду и пятницу – и через два дня встретила Аликс Чемберлен.

Брайар стала для Эмиры радостной передышкой от постоянных мыслей о том, чем занять руки и остаток жизни. Брайар задавала вопросы вроде: «Почему это не пахнет?», «Где белочкина мама?» или «Как это мы не знаем эту тетю?» Однажды, когда Брайар впервые попробовала цукини, Эмира, стоя перед ее высоким стульчиком, спросила, понравилось ли ей. Брайар жевала с разинутым ртом и водила глазами по комнате, формулируя ответ. «Мира! А как, ну как... потому что – как мы узнаём, что мы что-то любим? Кто нам говорит, что мы это любим?» Эмира практически не сомневалась, что настоящий воспитатель должен в подобных случаях отвечать: «Ты скоро сама разберешься» или «Когда подрастешь, это станет понятнее», но она просто вытерла Брайар ротик и сказала: «Знаешь, это очень хороший вопрос. Давай спросим маму». При этом она была совершенно искрен-

на. Она и сама хотела бы, чтобы ей кто-нибудь объяснил, что она любит делать больше всего. Собственной матери Эмира могла задать все меньше вопросов, и число их сокращалось с пугающей быстротой.

Эмира не говорила родителям, что зарабатывает бейбиситтерством и набором текстов, а значит, нельзя было рассказать и о том вечере в «Маркет депо». Не то чтобы они сказали ей по этому поводу что-то новое, но приятно было бы разделить негодование с теми, кто поймет тебя без всяких объяснений. В четвертом классе в школьной столовой белый одноклассник вразвалочку подошел к Эмириному столу и спросил: ты негритоска? (Когда Эмира рассказала об этом дома, мама сразу схватила телефонную трубку и спросила: «Как его звать?») Еще однажды в магазине «Брукс бразерс», когда она выбирала подарки на День отца, продавцы ходили за ней по пятам как приклеенные. («Заняться им больше нечем, что ли?» – сказала тогда мама.) А еще один раз, уже закончив делать Эмире депиляцию зоны бикини, мастер объявила, что цена будет сорок долларов, а не тридцать пять, как в преискуранте, «из-за этнических особенностей кожи» (на это мама сказала: «Постой, депиляцию *чего?*»). Хорошо было бы, если бы она могла поговорить с родителями о «Маркет депо», потому что, если честно, это самое важное, что произошло с ней за последнее время, и к тому же связано с ее любимым маленьким человеком. Эмира понимала, что в первую очередь в этой истории ее должен беспокоить откровенный,

неприкрытый расизм, однако дело было не только и не столько в нем. Воспоминание о стычке в «Маркет депо» накатывало приступом тошноты и шипело эхом в ушах: *у тебя нет настоящей работы.*

Если бы у тебя была настоящая работа, с тобой бы не случилась вся эта хрень, говорила себе Эмира в тот вечер в метро по дороге домой, скрестив ноги и обхватив себя руками. *Тебе не пришлось бы уходить с дня рождения. У тебя была бы собственная медстраховка. Тебе не платили бы налом. Ты была бы личность, а не вот это вот.* Из того, чем ей приходилось заниматься, заботиться о Брайар ей нравилось больше всего, но ведь потом Брайар пойдет в школу; что же до Кэтрин, то ее миссис Чемберлен, похоже, не собирается отпускать от себя ни на минуту – а хоть бы даже и собиралась, все равно почасовая работа бебиситтера никогда не позволит получить медстраховку. Пока что она вписана в родительскую страховку, но это только до конца 2015 года. Эмире было уже почти двадцать шесть.

Иногда, оставаясь совсем на мели, Эмира убеждала себя, что если у нее будет настоящая работа, с девяти до пяти, с приличной зарплатой и социальными гарантиями, то и все остальное в ее жизни станет как у взрослых. Она начнет делать всякие взрослые вещи, типа застилать постель по утрам, и постарается полюбить кофе. Она не будет сидеть на полу в своей комнате, искать новую музыку и составлять плейлисты до трех ночи, а потом думать, заставив себя наконец-то

улечься: *Ну зачем ты так с собой поступаешь?* Она поставит новое приложение для знакомств и, чтобы было о чем писать, заведет себе интересы поинтереснее; будет заниматься чем-то еще, кроме как зависать с Зарой, смотреть старые клипы, красить ногти и есть один и тот же ужин минимум четыре раза в неделю (кусочки курицы с солью и сыром, приготовленные в медленноварке). Если у нее будет настоящая работа, она окинет критическим взглядом свой шкаф, забитый вещами из «Строберри» и «Форевер 21», и решит, что давно пора купить одежду подороже.

Эмира постоянно старалась убедить себя, что найдется другой ребенок, маленькая девочка с милыми родителями, которым она нужна будет на полный рабочий день как постоянная няня. Они заключат с ней официальный договор, и она сможет говорить, что платит налоги. Они будут брать ее с собой в отпуск и считать членом семьи. Но при виде других детей – при виде любого ребенка, который не был Брайар Чемберлен, – Эмира испытывала инстинктивное отвращение. Эти дети не говорили ничего интересного – им было нечего сказать, у них были пугающе пустые взгляды, а их застенчивость казалась результатом какой-то странной муштры (Эмира часто наблюдала, как Брайар подходит к другим детям на качелях или горке, а те отворачиваются от нее и говорят «Нет, я стесняюсь»). Другие дети были легко управляемы и обожали, когда им на руку прилепляли наклейку или ставили печать; Брайар же всегда была на грани крошечного

экзистенциального кризиса.

Под непрерывной болтовней скрывалась настоящая Брайар – взъерошенная, пугливая, задумчивая, вечно сражающаяся с демонами приличий. Она любила все, что имело мятный запах. Не любила громких звуков. И не считала объятия разрешенной формой проявления любви – разве что иногда прижималась ушком к дружескому плечу. Большая часть их вечеров заканчивалась так: Эмира листала журнал, а Брайар играла в ванне. Она сидела, обхватив пальчики на ногах, на лице ее разыгрывалась гражданская война эмоций, она пела песенки и пыталась свистеть. Она разговаривала сама с собой, и Эмира часто слышала, как она объясняет голосам в своей голове: «Нет, Мира *моя* подруга. Она *моя* лучшая подруга».

Эмира знала, что должна найти новую работу.

Четыре

На следующее утро, вместо того чтобы усадить старшую дочь перед компьютером и включить ей видео о ярких рыбах и прочей океанской живности, Аликс усадила обеих дочерей в двойную беговую коляску и пристегнула ремнями. В Филадельфии настолько больше пространства для пробежек! Не нужно то и дело бежать на месте в ожидании зеленого сигнала светофора, чтобы поддерживать сердечный ритм, или бежать вдоль шоссе, чтобы видеть хотя бы на сто шагов вперед. После третьей мили – по ощущениям она была как двадцать шестая – обе девочки уснули. Аликс остановилась у кофейни, заказала латте и села с ним на скамейку.

Надо созвониться прямо сейчас, – написала она в групповой чат. – **Никто не умер, никто не болен, но очень срочно.**

Рейчел, Джоди и Тамра – эти имена Аликс произносила столько раз, что не смогла бы перечислить их в другом порядке. Она не писала подругам ничего подобного с тех пор, как переехала, – в последнее время они в основном болтали о знакомых женщинах, советовали друг другу, что хорошего купить, обсуждали статьи и книги и жаловались на мужей, – поэтому уже через секунду Аликс получила в ответ два сообщения **У тебя все в порядке?!** и одно **Тамра, начнешь конференцию?**

Джоди была детским кастинг-директором и мамой двух рыжеволосых детей – девочке четыре, мальчику год, – которым часто приходилось рыдать в массовке в кино и на телешоу. Рейчел с гордостью несла свое еврейско-японское происхождение, руководила фирмой по дизайну книжных обложек и пыталась удержать сына от слишком уж серьезных успехов в футболе, потому что кто же, черт побери, мог ожидать от него такого упорства, ему ведь всего пять. А Тамра была директором частной школы на Манхэттене. Дважды в год подружки устраивали пир с вином, сыром и хумусом – подарками от родителей, которые пытались подкрепить свои заявления с просьбой принять детей в школу или, наоборот, боялись, как бы их проблемного ребенка не исключили. У Тамры были две дочки с коротенькими, в дюйм, темными афро; младшей было два с половиной, старшая, четырехлетняя, умела читать, писать и немного говорила по-французски. Тамру они называли Мамуся.

Сидя на скамейке – коленки широко расставлены, по вискам стекает холодный пот, – Аликс рассказала им все.

– *Что-о?* – задохнулась Рейчел.

– *Не выпускали из магазина?* – с нажимом, чеканя слова, переспросила Тамра.

– И все это в один день? – уточнила Джоди.

– Господи Иисусе, в Нью-Йорке такого никогда бы не случилось, – сказала Рейчел. – Хадсон, выплюнь немедленно! Простите, мы тут на футболе.

Сердце у Аликс забилося так же сильно, до дурноты, как и накануне вечером, когда Питер вернулся без Эмиры и сказал: «Окей, у всех все в порядке», прежде чем начал рассказывать. Аликс не в силах была удержаться от вопросов, которые, едва срываясь с губ, сразу начинали казаться ей банальными и бессмысленными. *«Она плакала? Она злилась? Какой у нее был вид – очень расстроенный?»* Если бы саму Аликс спросили, в каком настроении пребывала Эмира все понедельники, среды и пятницы на протяжении последних трех месяцев, она не смогла бы ответить. Потому что, как правило, Аликс практически толкала Брайар в объятия Эмиры и выскакивала за дверь, бросая через плечо, что Брайар не съела ланч или плохо покакала. По вторникам и четвергам, в отсутствие Эмиры, у Брайар были занятия в бассейне Ассоциации молодых христиан, и плавала она так упорно и отчаянно, что потом три часа спала без задних ног. Потом Аликс ставила ей фильм на Нетфликсе, и к финальным титрам на пороге появлялся папа. Эта схема настолько устраивала Аликс, что она понятия не имела, что за человек ее бэбиситтер – из тех, кто плачет, из тех, кто подает в суд, или из тех, кто вообще ничего не предпринимает.

Тамра поцокала языком.

– Ты должна немедленно позвонить этой девушке.

– Я гуглю Питеров сюжет, – сказала Джоди. – Ага, всего пятьсот просмотров... не так и ужасно.

– А на видео это случайно никто не снял? – спросила Та-

мра.

– Вы с Питером могли бы помочь ей засудить этот магазин, – сказала Рейчел.

– Я не знаю. Я в панике. – Аликс уперлась локтями в колени. – Я так ужасно с ней обращалась. Она такая молодец и такая пунктуальная... Брайар ее обожает, а теперь из-за какого-то долбоеба-охранника я потеряю ее, и все. – Аликс сдвинула лямку ремня безопасности с ротика спящей Брайар и огляделась по сторонам – не слышал ли кто, как она сказала плохое слово при детях. – Я просто в последнее время так расслабилась, что, кажется, эта история мне в наказание. Я срываю все сроки с книгой, я набрала вес, сегодня на день рождения Брайар зайвится толпа Питеровых коллег, и я рассчитывала, что Эмира мне поможет. Слушайте, мне физически дурно от одной мысли, что я потеряю ее насовсем. Без нее мне никогда не закончить эту книгу.

– Эй, – перебила ее Рейчел. – Книгу ты допишешь при любом раскладе. Ты упертая и все доводишь до конца. Но сейчас твой главный приоритет – Эмира.

– Сто процентов, – подтвердила Тамра.

– Пруденс! – крикнула Джоди не в телефон. – Нужно делиться с братиком, ты меня поняла? – Затем ее голос снова приблизился: – Я согласна со всем, что здесь было сказано.

– Конечно. Я понимаю. И я знаю, что должна ей позвонить, – сказала Аликс. – Но как я... что я скажу?

– Главное, не советуй ей написать письмо, – пробурчала

Рейчел.

– Рейчел, сейчас не до шуток, – произнесла Джоди тем же специальным мамским тоном, каким только что обращалась к дочери.

– Честно говоря, – сказала Тамра, – она может и не ответить. Ты должна быть к этому готова.

На дверях кофейни звякнул колокольчик, и наружу вышла пара. Женщина сказала: «Что нам мешает взять его в прокат на Амазоне?» – а мужчина ответил: «Но ведь вся фишка в том, что это 3D!» Аликс опустила голову, с носа упало несколько капелек пота.

– Мне плохо. Меня сейчас, кажется, стошнит.

– Слушай, – сказала Тамра, – если она все же ответит, скажи ей, что ты страшно жалеешь, что с ней такое произошло, и что ты в любом случае на ее стороне и поддержишь ее во всем, что бы она ни решила. Хочет – пусть судится с магазином, не хочет – пусть совсем ничего не делает.

– Да, и без лишних эмоций, – добавила Рейчел. – Ты и сама это понимаешь, но... Главное, говори о ней, не о себе. Хадсон, ну-ка, спокойнее, дружок! – Слышно было, как она похлопывает себя по бедру. – Хочешь прямо сейчас пойти домой? Нет? Вот и хорошо.

Аликс понимала, что, возможно, разговор с Эмирой не так бы ее пугал, если бы ему не предстояло стать самым долгим из всех, какие между ними случались до сих пор. Она глубоко вдохнула.

– Это я виновата, да? Нельзя было ее туда посылать?

– Ну что ты, солнце, – сказала Джоди.

– Я бы точно так же поступила! – сказала Тамра.

– Ты виновата в том, что переехала в Филадельфию, – сказала Рейчел. – Извини, конечно, но, повторю еще раз, в Нью-Йорке такого просто не могло произойти. Когда я прихожу куда-нибудь забирать Хадсона, никто, буквально никто не верит, что это мой ребенок. Но когда за ним приходит Арнетта, они такие сразу: «Да-да, вот он, помним, аллергия на орехи, до свиданья!»

– Пру! – крикнула Джоди. – Так, юная леди, я считаю до трех. Один, два... Спасибо, мадам.

Аликс откинулась на спинку скамьи; пропитанная потом майка прилипла к лопаткам. Кэтрин в коляске сучила ножками в ботиночках – куда-то бежала во сне.

– Просто возьми и позвони, – сказала Тамра.

– Да, – ответила Аликс. – Я понимаю.

– Аликс, – ласково сказала Джоди, – я тебя люблю. И ты красавица, всегда. Но сейчас я на правах настоящего друга спрашиваю: на сколько ты поправилась?

Аликс посмотрела вниз, на свои неоновые оранжевые шорты. Между резинкой на поясе и короткой майкой разлегся мягкий рыхлый холмик, сложенный из послеродового веса, неиспользованного абонеента в спортзал и поглощаемых на солнышке смузи с добавлением сахара. Аликс вздохнула и ответила:

– Боюсь взвешиваться.

– О боже, – сказала Тамра. – Почему ты нам раньше не говорила?

– Короче, солнце, – решительно заявила Джоди. – Соберись и возьми себя в руки, потому что сейчас это не ты. Ты умеешь отстаивать свои интересы, ты кормила грудью перед аудиторией, ты напишешь книгу, и она станет бестселлером. Сейчас ты поднимешь жопу, упросишь бебиситтера остаться, скажешь Питеру, чтоб выбирал выражения, и купишь себе фитнес-браслет, окей?

– Она права, Ал, – подхватила Рейчел. – Потому что когда книга выйдет, твоя физиономия на обложке будет на каждом углу, а на книжных обложках все выглядят фунтов на семнадцать толще, и я не шучу.

– Считаю это вмешательством в твою жизнь, – добавила Тамра, – но очень дружеским и заботливым.

– У них там соки есть вообще? – спросила Рейчел. – Прислать тебе что-нибудь для диеты?

– Подозреваю, соки там найдутся, Рейч, – рассмеялась Джоди. – Она же все-таки не в Монтане.

Эмира на звонок не ответила, так что Аликс приняла душ и повторила попытку. На этот раз Эмира откликнулась, и Аликс выложила все, что велели подруги, мысленно отмечая пункты, чтобы ничего не упустить. Но когда она сказала: «Но это полностью на ваше усмотрение. Как решите, так и

будет», Эмира ответила: «Подождите... я что, опоздала?»

Фоном донесся голос Зары: «Кто это тебе звонит в такую рань?» Аликс посмотрела на часы – 9:14. До нее дошло, что Эмира еще не вполне проснулась.

– Нет-нет, вы не опоздали! – заверила ее Аликс. – Все в силе, начало в полдень, ну или в одиннадцать сорок пять, если вы сможете пораньше... но это совсем не обязательно, просто я бы очень хотела, чтобы вы пришли. *Мы* бы очень хотели, чтобы вы пришли. Но это как вы решите.

– Нет, я буду, конечно, – сказала Эмира. – Я приеду, не беспокойтесь.

– Что вы, Эмира, я не в том смысле... – Аликс силилась подобрать слова. – То есть да, я беспокоилась, но *за вас*... Просто хотела узнать, *как* вы. Ну хорошо. Увидимся в двенадцать, да? Или в одиннадцать сорок пять?

– Угу.

Снова послышался голос Зары, уже не такой сонный: «Если я закажу бейгл, ты будешь?»

– Тогда до встречи! – сказала Аликс, и Эмира отключилась.

Я позвонила, – написала Аликс Тамре. – Похоже, она не хочет об этом говорить.

Это ее право, – ответила Тамра. – Она придет?

Да.

Главное – спокойствие, – написала Тамра. – Пей побольше воды. Никакой пасты. Но кусочек торта мо-

жешь съесть, так и быть, все-таки твоему ребенку сегодня три.

Аликс посмотрела на Брайар, которая играла с двумя расческами на полу в своей комнате. «Брай, – сказала она, – с днем рождения, солнышко». На что Брайар очень серьезно ответила, указывая на расчески: «Это мой подарок?»

Если бы решения принимала Брайар, темой ее праздника были бы очки, потому что она дико хотела очки, обожала трогать чужие очки и смотреть, как она выглядит в разных очках. Но Брайар еще любила самолеты, и показывать на самолеты, и гул самолетов, и Аликс считала, что из всех интересов Брайар (например, нюхать чайные пакетики, разглядывать чужие пупки, трогать мамину мягкую мочку уха) поощрять следует именно этот.

Так что Аликс освободила пространство в гостиной, сдвинув мебель к стенам, и ровно распределила белые воздушные шарики по высокому потолку. К двадцатифутовой ниточке каждого шарика был привязан голубой бумажный самолетик с изогнутыми крыльями и с колесиками. Затем она накрыла фуршетный стол, застелив его бумажной гобеленовой скатертью, лазурно-голубой с облачками, а у двери повесила для детей мягкие летные очки. Мини-капкейки благодаря синему красителю были небесного цвета, а подарочки для гостей выстроились в ряд в ярко-голубых пакетах с крошечными белыми пропеллерами, которые могли по-настоящему вращаться. Пропеллеры и капкейки Аликс сняла для

Инстаграма крупным планом (настолько крупным, что эти кадры теоретически могли быть сделаны где угодно, на том же Манхэттене). Несколько воздушных шариков Питер вынес на крыльцо и скотчем прикрепил к стеклу, маскируя дыру в окне. Когда Аликс выглянула наружу, он спросил: «Это тупо, да?» Она помотала головой, чувствуя к нему тепло и печальную нежность. Она знала: то, что он сказал в сюжете, было не нарочно, на самом деле Питер так не думал. «Нет, – ответила она. – Это не тупо».

Поднявшись наверх, Аликс надела просторный джинсовый комбинезон и распустила волосы. Питер, застегивая рубашку и ремень, пел лежавшим на кровати Брайар и Кэтрин «Малыша Белуху». Между «глубоко-глубоко» и «где плавают дельфины» он заглянул в ванную:

– Она все же придет помочь, да?

Аликс посмотрела на него в зеркало, крася нижние ресницы.

– Сказала, что да.

Эмира появилась ровно в одиннадцать сорок пять.

У нее был свой ключ, и, услышав звук захлопывающейся двери, Питер и Аликс переглянулись поверх детских голов. Брайар, уже в деньрожденном темно-зеленом брючном костюме, походила на героя массовой «Лучшего стрелка»; Кэтрин была втиснута в комбинезончик небесного цвета. Аликс сунула в руки Питеру золотую заколку с крылышками, сказала: «Дай нам минутку» – и ринулась вниз, на два

лестничных пролета. Эмира вешала рюкзак на крючок. Темные джинсы, длинные волосы заплетены в нетугую косу, глаза густо подведены.

В первую свою неделю у Чемберленов Эмира повела Брайар на рисование. С вязаного кардигана оверсайз, в котором пришла Эмира, краска ни за что бы не отстиралась, и Аликс предложила ей одну из множества своих белых футболок поло «Собственный почерк». «У меня их тонны, а у вас тот же размер, что и у моих бывших стажеров, – сказала она. – Может, конечно, на вас и великовато, но, если вам удобно, носите их, пожалуйста». Футболки стали Эмириной униформой. Три раза в неделю, спускаясь вниз, Аликс заставляла Эмиру натягивавшей белую футболку. Перед уходом Эмира вешала ее на крючок в прихожей. И пока Аликс пробиралась к ней сквозь бумажные самолетики, у нее внезапно сжалось горло от трогательности этой традиции. Когда она шагнула на нижнюю ступеньку, Эмира сказала «здравствуйте» и вытащила косу из-под футболки.

– Здравствуйте. Привет. – Аликс стояла перед Эмирой, обхватив себя за локти. – Можно... можно я вас обниму?

Она сразу почувствовала, что это неумный порыв. На самом деле она не хотела, чтобы их первое объятие было таким, но делать нечего, раз она сама предложила. Эмира пахла маслом для тела, пережженными волосами, лаком для ногтей и дешевыми духами.

– Прежде всего, – сказала Аликс, отступая на шаг, – вы

вовсе не обязаны были сегодня приходиться, и я вам очень...

– Нет, что вы. Я рада. – Эмира повернулась к рюкзаку и достала из верхнего кармана тюбик гигиенической помады.

Аликс скрестила ноги и руки.

– Я даже не пытаюсь делать вид, будто понимаю, что вы сейчас чувствуете или что вы чувствовали вчера вечером, потому что я все равно не смогу по-настоящему это понять, но я просто хочу сказать: в чем бы вам ни понадобилась моя поддержка – она у вас есть. Будь то поиск адвоката... или гражданский иск, или...

Эмира улыбнулась:

– Что-что?

– Эмира. – Аликс только сейчас ощутила, что плечи ее напряжены и подняты до ушей, и попыталась вернуть их на место. – Вы можете подать в суд на весь этот супермаркет. Вы имеете полное право возбудить дело.

– Ой, нет. – Эмира крепко сжала губы и закрыла помаду. – Я в это все не лезу.

Аликс кивнула:

– И я полностью уважаю ваше решение. Мы просто хотим, чтобы вы знали, что мы ужасно сожалеем и...

– Аликс? – раздался чей-то голос с крыльца.

Дверь за спиной у Эмиры приоткрылась на пару дюймов. Эмира повернулась и распахнула дверь пошире. На пороге стояли два маленьких мальчика из группы Брайар по плаванию и их мама.

– Ой, здравствуйте, – сказала женщина. – Я знаю, я знаю, мы слишком рано. Вы, наверное, даже еще не готовы. Но мы можем помочь, и мы будем хорошо себя вести. Вы так чудесно выглядите!

Повторяя «конечно-конечно» и «входите-входите», Аликс проводила их в гостиную. Мальчики сразу ринулись к фуршетному столу, один на ходу сбросил кроссовки. Пока мать снимала с обоих курточки, Аликс шепнула Эмире: «Давайте позже к этому вернемся».

– Да все в порядке. Со мной все нормально, честно. – С этими словами Эмира погрузила руки в картонный пакет, который принесла с собой и поставила на пол, под рюкзаком на крючке. Из пакета она вынула маленькую прозрачную чашу, перевязанную под ободком оранжевой ленточкой; в чаше плавала ярко-желтая золотая рыбка.

– О, Эмира. – Аликс приложила руку к сердцу. – Это что, от вас?

– Ага.

Эмира поставила чашу на каминную полку рядом с бумажным самолетиком, на котором было написано: «Подарки приземляются здесь!» Пока Эмира поворачивала чашу, чтобы виден был оранжевый бантик, Аликс вспомнила. Да. Точно. Эмира спрашивала, можно ли подарить Брайар на день рождения рыбку, – спрашивала их обоих, ее и Питера, несколько дней назад. Аликс даже не подумала, что это может быть настоящая рыбка, потому что слушала вполуха, но

вот пожалуйста: живая, золотая, плещется. Эмира заранее красиво обвязала крошечный аквариум ленточкой, но бантик по пути примялся, и теперь концы печально свисали.

Через две минуты после чересчур раннего появления первых гостей одного из них, трехлетнего, вырвало рядом с унитазом, и он разрыдался, растерянно подвывая. Едва все было вытерто и поток извинений иссяк, как явилась компания коллег Питера из «Новостей Филадельфии». Аликс включила музыку, подошла к двери и сказала: «Привет, мы, кажется, однажды уже встречались, я Аликс». (Знакомясь, она всегда произносила свое имя по слогам, *А-ликс*, подчеркивая «и» во втором слоге.)

Глядя на Питера, никто бы не догадался, что он старше Аликс на восемь лет, – подтянутый, живот не торчит, светлые волосы подстрижены по-мальчишески, – но в окружении его коллег Аликс вдруг почувствовала себя так, словно это к *ее* родителям пришли гости и она ждет не дождется, когда уже можно будет скрыться в своей комнате и смотреть клипы. На Питеровых сотрудницах были облегающие платья с пышными юбками и крупным цветочным принтом и туфли на платформе или лодочки на шпильках. Даже у единственной среди них чернокожей волосы были коротко подстрижены, начесаны и мелированы. К тому же эти дамы явно обожали массивные яркие ожерелья с крупными камнями и бусинами, словно для карнавальных костюмов. Мужчины в брюках цвета хаки и футболках поло все как один походили на

повзрослевшего Кена, друга Барби.

Самой популярной темой беседы стало разбитое окно. Накануне, еще не зная о происшествии в «Маркет депо» и ожидая, пока полицейские допишут рапорт, Аликс беспокоилась: что, если коллеги Питера испытывают те же чувства, что и старшеклассники школы «Бикон Смит»? Вдруг его карьера в Филадельфии закончилась, не успев начаться... и вдруг его возьмут обратно в Ривердейл... это было бы в каком-то смысле круто, потому что означало бы, что она вернется в Нью-Йорк... Однако реакцией новостников на дырку в стекле оказалась странная, замешанная на злорадстве гордость за «свое поле». Создавалось впечатление, что Питера, новичка в их городе, дразнят и шпыняют, потому что так положено. Они требовали подробностей. Они хохотали и говорили: «Да не парься». Они чокались с ним пивными бокалами и говорили: «Добро пожаловать в Филадельфию!»

Никто из гостей слыхом не слыхал об Аликс и о «Собственном почерке». Прихлебывая газировку под «Кидз Боп» и Майкла Джексона, Аликс решила считать свою анонимность условием исследовательской задачи: разработать самопрезентацию, которая, может быть, пригодится для текста на суперобложке (этот текст был одним из множества дел, к которым она пока даже не подступалась). Однако все ее попытки описать себя потерпели крах.

– А-а-а, то есть вы не то что *пишете* книгу, – сказала одна женщина. – Это скорее как... как там эта штука называлась,

«Пост Сикрет»? Помните? Такой проект, типа «отправь свой секрет анонимно по почте»? И это было, как бы сказать... до жути похабно?

– Мы смотрели такое безумное кино – «Она»...⁴ или «Оно»? «Оно», да? – вступила в разговор другая и обернулась к мужу за подтверждением, а когда он не вспомнил, все равно продолжила: – Может, даже «Они». Неважно. Короче, там у героя была работа – писать за других любовные письма. За людей, которых он в жизни не видел. Очень странно. Вот это вы и делаете?

Аликс притворилась, что услышала плач Кэтрин, и, вежливо извинившись, удалилась.

Лейни Тэккер, соведущая Питера, пришла с четырехлетней дочкой Беллой. С собой она принесла желтые розы, бутылку вина, стеклянную банку с завинчивающейся крышкой (внутри ингредиенты для печенья и рецепт) и подарки, завернутые в упаковочную бумагу, для Брайар и для самой Аликс. Приветствуя Аликс, она широко раскинула руки, и во взгляде ее явственно читалось: *Ну наконец-то!*

– У меня такое чувство, будто я вас знаю всю жизнь, – сказала она. – Обнимите же меня скорей. Вы теперь член семьи «Новостей Филадельфии».

Пока длилось объятие, Аликс дважды успела с надеждой

⁴ И все-таки именно «Она» (Нег, 2013) – фантастическая мелодрама Спайка Джонза с Хоакином Фениксом в главной роли; «Оскар» за лучший оригинальный сценарий.

подумать, что оно наконец-то исчерпало себя, но Лейни, расстроганно гудя, прижимала ее к груди и легонько покачивала влево-вправо. Белла подошла к Брайар, обхватила ее и тоже стала покачивать – вперед-назад.

Раньше, на Манхэттене, Аликс ходила на детские дни рождения минимум дважды в месяц – с Рейчел, Джоди и Тамрой. Они сидели в углу, пили вино из бумажных стаканчиков и по очереди танцевали с детьми. Они шептались о нелепых пафосных излишествах вроде шоколадных фонтанов или фотосессий для малышей; они закатывали глаза, видя, что маленькие подарочки для гостей украшены монограммами, или наблюдая за аниматорами – диснеевскими принцессами, почему-то все как одна из Нью-Джерси. Но эти люди, гости на совсем простом дне рождения Брайар, изощрялись чуть ли не вдвое усерднее. Все эти женщины, одетые так, будто специально притворяются жительницами Верхнего Ист-Сайда, а не как если бы они действительно там жили или хотя бы разок бывали. Невозможно же поверить, что им удобно на этих шпильках, – и почему тут нет никого в джинсах? Аликс чувствовала себя чужеродным телом, к тому же довольно крупным, отчего было особенно неуютно.

Но Питер – Питер всегда, неизменно, улыбался на всех ее бизнес-завтраках, вечеринках и совещаниях. Питер сидел с ней рядом до глубокой ночи и клеил марки на пять сотен писем, написанных школьницами самим себе в будущее. Питер укладывал детей, когда ее семинары затягивались до

позднего вечера, и уверял Брайар, что мама зайдет ее поцеловать в тот же миг, как вернется домой. Напоминая себе об этом, Аликс старалась высмотреть среди этих людей кого-нибудь, с кем у нее было бы хоть что-то общее; кого-нибудь, кто плюхнул бы своего ребенка перед телевизором рядом с Брайар, и у нее, у Аликс, это не вызвало бы внутреннего протеста; кого-нибудь, с кем она могла бы ходить на йогу. Но эти женщины были столь же милы и приветливы, сколь старомодны и до обидного скучны. Лейни, соведущая Питера, нежно погладила лямку комбинезона Аликс. «Всегда хотела попробовать что-нибудь такое, – сказала она, – но боюсь, что втиснусь, а потом не вылезу», а после, наклонившись, заговорщицки спросила, как Аликс умудряется писать в этой штуковине.

Затем, насколько поняла Аликс, настало время подарков. На Манхэттене дети никогда не разворачивали свои подарки прямо на дне рождения. Подарки относили в машину или укладывали в большие прозрачные пластиковые коробки, чтобы потом забрать домой вместе с кусочком торта. Если вовремя об этом вспомнить, можно было припрятать часть подарков в шкафу до нужного момента – например, чтобы развлечь ребенка в самолете или наградить за то, что он удачно воспользовался горшком. Но здесь, пока Аликс и Питер болтали с одной из его сотрудниц, ее пятилетний сын подошел и, обхватив материнские коленки, занял: «А когда подарки и торт?»

Питер посмотрел на Аликс. «Давай поставлю специальный стул?»

Брайар сидела у Аликс на коленях, а Эмира передавала им подарки. После второго подарка Брайар слишком перевознолась, замахала руками и сказала: «Я это не люблю, я это не хожу!» Эмира и Питер стали ее успокаивать, а Аликс продолжала разворачивать подарки.

В промежутке между тестом для лепки «Слепи себе принцессу» и тиарой, от которой несло пластмассой и токсичными красителями, Аликс достала из кармана телефон и написала Рейчел, Джоди и Тамре: **Убейте меня. Я всех тут ненавижу.** Все до единого подарки были абсолютно идиотские, или на грани сексизма, или же до жути шаблонные. Ее трехлетка получила серебристый зимний комбинезон «Фенди», бело-розовый чайный сервиз «Маленькая леди», «Съедобный букет» (онлайн они его заказывали, что ли?) и ароматическую свечу в стеклянной банке; свеча была в форме торта, а на крышку банки прилепили подарочную карту магазина мягких игрушек. Эмира запиховала оберточную бумагу в стоявший у ног Аликс большой бумажный пакет. Брайар растерянно мяла в руках очередной подарок – голубой передник с оборочками и чепчик в тон. «Это тебе, большая девочка», – сказала ей Эмира. Аликс хотелось крепко, обеими руками схватить Эмиру за плечи и сказать, глядя прямо в глаза: *Это не мой праздник. Это не я.*

У нее, у Аликс, в доме собралась целая толпа именно та-

ких матерей, каких она часто видела в аэропортах и глубоко презирала. Густой макияж, горы багажа (цветастые сакво-
яжи «Вера Брэдли», обложки для паспортов «Лили Пулит-
цер»), пробковые сандалии на платформе, полиэтиленовые
пакеты с сувенирами, которыми эти особы наглухо забива-
ли багажные отделения над головой. Они звучно окликали
мужей сразу по приземлении – или чтобы известить их, что
уже добежали до выхода на посадку. В самолете они торчали
в проходе, мешая другим пассажирам («Ты все взял? Ниче-
го не забыл? Имей в виду, вернуться мы *не сможем!*»), а в
туалетных кабинках подолгу обстоятельно устилали сиденье
туалетной бумагой, вместо того чтобы, как Аликс, считав-
шая это физическим упражнением, просто присесть на по-
лусогнутых над унитазом.

У самой Аликс даже прогулочной коляски не было, по-
ка она не забеременела во второй раз. Она идеально пакова-
лась, в коротких поездках обходилась, как правило, одним
маленьким рюкзачком и часто писала Питеру из аэропортов,
что поменяла рейс, чтобы быстрее добраться домой. Поэто-
му теперь, озираясь в своей гостиной, Аликс спрашивала се-
бя, сможет ли она здесь, в Филадельфии, почувствовать се-
бя дома? Сумеет ли по-прежнему ловко совмещать материн-
ство и бизнес в окружении таких клуш – из тех, кто вечно
задерживает очередь на проверку безопасности, потому что
забыли снять верхнюю одежду?

Аликс стояла у двери, пока родители втискивали детские

ножки в обувь, а дети уже начинали рыться в своих пакетах с подарочками. Когда гости, прощаясь, целовали ее в щеку и жали руку, она раза четыре сказала: «Нужно будет собраться, чтобы дети вместе поиграли!»

К ней снова подошла Лейни: очередной трогательный момент единения.

– Ребята, как я рада, что вы теперь с нами, – сказала она. – Давайте как-нибудь вечером посидим за коктейлями, когда дети уснут?

Ясно было, что Лейни не только искренне проявляет дружеские чувства, но и заодно хочет заверить Аликс: хоть она и сидит целыми днями рядом с ее мужем, она за женскую солидарность, поэтому ни-ни, никаких глупостей, пусть Аликс не думает. Аликс и не думала, даже в голову не приходило, за что ей теперь стало совестно. Лейни смеялась громким смехом, от которого делалось не по себе, у нее были слишком большие, в сравнении с зубами, десны, и она то и дело восклицала что-нибудь вроде «божечки-кошечки!». Она была воплощением милоты, и, обнимая ее на прощанье, Аликс думала: *Я же хочу, чтобы ты мне нравилась. Ну почему это так трудно?*

Через плечо Лейни Аликс видела, как Эмира, наклонившись к маленькому мальчику, помогает ему надеть куртку.

– Мы не поиграли в мою любимую игру, – пожаловался этот пятилетка.

– Правда? – Эмира одернула ему рукава. – И какая же твоя

любимая игра?

Мальчик развернулся к ней:

– Она называется «Я – убийца»!

– Круууть! – Эмира выпрямилась и поспешила в гостиную, окликая Брайар: – Брай, ты где? Скорей возьми меня за ручку!

Закрыв наконец дверь за Лейни и ее семейством, Аликс снова достала телефон. **Поправка**, – написала она подругам. – **Ненавижу всех, кроме моего бибиситтера.**

Так повысь этой девочке ставку, – написала Тамра.

Или купи Съедобный Букет, – добавила Рейчел.

Когда Брайар в тот вечер уложили спать, на тумбочке возле ее кровати стояла чаша с золотой рыбкой – один из немногих подарков, которые избежали мешка для благотворительности. Свежеиспеченная трехлетка без раздумий назвала рыбку Ложкой и, пока ее не сморил сон, смотрела, как Ложка плавает кругами.

Пять

Как только Эмира решила дистанцироваться от теперь уже трехлетней Брайар, ежедневно проверять сайты поиска работы и откликаться исключительно на вакансии, куда берут только взрослых и предлагают им очень взрослые социальные гарантии, миссис Чемберлен внезапно стала активно интересоваться ее жизнью. Случай в «Маркет депо» что-то такое сделал с миссис Чемберлен, она словно бы пыталась загладить вину беспечной болтовней. Эта натужная беспечность настораживала, Эмира замыкалась в себе, отвечала уклончиво. После той ночи миссис Чемберлен начала возвращаться домой в шесть сорок пять, усаживаться напротив Эмиры и словно невзначай задавать вопросы, отсылающие к предыдущим разговорам, которых на самом деле никогда не было: «Эмира, напомните, какая у вас была специализация в университете?»; «Где-где, вы говорили, вы живете?»; «Я забыла, у вас есть аллергия на что-нибудь?» Время было выбрано хуже некуда, вопросы такого рода обычно задают в начале общения, а Эмира как раз надеялась положить ему конец. Но когда ты работаешь три дня в неделю за приличные деньги, трудно вдохновиться потенциальными вакансиями, где платят меньше, а Брайар нет вообще. Раз в две недели, по пятницам, Аликс вручала Эмире конверт, в котором лежали шестьсот семьдесят два доллара.

Через две недели после ночи в «Маркет депо» этот конверт внезапно оказался толще и увесистей. Стоя на парадном крыльце дома Чемберленов, на фоне алого заката, Эмира приподняла клапан и обнаружила пачку из двадцати стодолларовых купюр. К пачке была прикреплена картонная карточка, на которой великолепным почерком Аликс было выведено:

*Эмира,
это за две недели, за день рождения Брайар и за ту ужасную ночь, когда Вы нас буквально спасли. Спасибо за все. Мы очень рады, что Вы с нами, и мы всегда готовы помочь и поддержать.*

*С любовью,
П, А, Б&К*

Эмира окинула взглядом улицу, рассмеялась, прошептала «охренеть» и немедленно купила свою первую кожаную куртку.

Вагон метро был забит. Эмира не без удовольствия запаздывала на встречу с Зарой, Шони и Джосефой – сначала ужин, потом выпивка, потом все остальные вечерние развлечения двадцати-с-чем-то-летних. Новая куртка словно озарила сиянием всю ее старую одежду. Это была косуха, черная, короткая, до бедра. Ремешки болтались по бокам, серебристые молнии на рукавах Эмира тоже не стала застегивать. Куртка обошлась ей в двести тридцать четыре доллара и стала самой крупной покупкой в ее жизни после ноутбука и

каркаса кровати. Эмира держалась одной рукой за поручень, а другой набирала сообщение Заре о том, что она уже в пути, и ей было смешно и грустно от того, что в самой дорогой своей вещи она может чувствовать себя такой жалкой. Она прибавила звук в наушниках и стала покачиваться в такт поворотам поезда.

За спиной у нее была семья из шести человек, явно не местных. «На следующей выходим! – выкрикнула мать семейства. – Все слышали?» Сквозь музыку в наушниках до Эмиры доносился разговор: мужчина в костюме слева от нее жаловался, что не может найти отмазку, чтобы не ходить на какое-то семейное сборище. «Можешь валить все на меня, я не возражаю», – сказала женщина, сидевшая рядом с ним. У Эмиры под черными легинсами выпирали подвздошные косточки; поймав в вагонном стекле, за которым проносились бетонные стены и тьма, золотой отблеск своего ожерелья из множества цепочек, она выровняла его на груди, потом поправила челку и черные волнистые пряди, рассыпавшиеся по плечам, и, в промежутке между двумя песнями, услышала, как кто-то окликает ее по имени.

Эмира обернулась и увидела KelleyTCopeland@gmail.com. Возвышаясь над бейсболками, «конскими хвостами» и плечами, он снова произнес ее имя, теперь уже с фамилией: «Эмира Такер». Эмира удобнее перехватила поручень и поняла, что сильно нервничает.

На этот раз он показался красивее – отчасти потому, что

Эмира сейчас была не в роли бебиситтера и никто не обвинял ее в преступлении, но еще и потому, что он по-честному был красив. У Келли Коупленда были темные волосы и глаза, длинное бледное лицо и широкий твердый подбородок, почему-то наводящий на мысль, что все свои студенческие годы он занимался спортом. Эмира улыбнулась уголком губ, а Келли сказал: «Прошу прощения» – и протиснулся поближе к ней.

– Вы меня помните? Да помните, конечно. Привет. – Келли рассмеялся, сам ответив на свой вопрос. – Наверно, не стоит об этом говорить, но я раз шесть начинал писать вам письмо, да так и не отправил. – Он сделал паузу. – Я хотел спросить, бросили вы это дело или нет.

Эмира все еще не опомнилась от его долговязого дружеского явления. Она скрестила ноги и спросила:

– Извините, что?

– Прошу прощения, – сказал он. – Мне было интересно, вы по-прежнему няня или уволились.

Келли Коупленд был такой высокий, что легко мог упереться ладонью в крышу вагона, что он и сделал, стоя напротив Эмиры. Она подумала, что это выглядит как слишком очевидная демонстрация маскулинности – и в то же время безумно привлекательно.

– А-а-а, извините, поняла, – сказала Эмира. – Вообще-то я не няня.

– Ага, – сказал он. – Значит, все-таки уволились. Отлично.

– Нет-нет, я работаю. – Эмира перевесила сумочку с правого плеча на левое. – Но я не няня. Я просто бэбиситтер.

– А можете объяснить, в чем разница? – спросил Келли. – Не подумайте, что я выделываюсь, я честно не знаю.

Поезд остановился, и Эмира посторонилась, пропуская к дверям мужчину с четырьмя сумками. Келли жестом показал ей на освободившееся место, и Эмира села.

– Няня – это полный рабочий день, – сказала она. – Зарплата раз в месяц, премии, отпуск. А бэбиситтер работает почасово... плюс, например, когда родители хотят отдохнуть от детей или когда что-то срочное.

– Окей, понял, – сказал Келли. – Просто я подумал, вы тогда в магазине сказали, что вы няня.

– Нет, то есть да, я так сказала, чтобы тот мужик от меня отстал, – объяснила Эмира. – Что, как мы видим, отлично сработало.

– Точно. – Келли глянул на нее тем дурацким раздраженно-обреченным взглядом, каким обмениваются пассажиры, когда в вагоне шумит пьяный или когда проводник объявляет, что поезд опаздывает. – Ну, раз вы не уволились, значит, у вас были на то причины. Но я надеюсь, эти люди, по крайней мере, дали вам прибавку.

Эмира отбросила с ресниц длинную прядь волос; молния на рукаве восхитительно звякнула. Она улыбнулась и сказала:

– Ну, они меня отблагодарили.

Келли взялся обеими руками за поручень прямо над Эмириной головой.

– А сейчас вы куда? – спросил он.

Эмира приподняла бровь. Посмотрела наверх, ему в лицо, и не удержалась от мысли: *Вот прямо так, да?* От этой его ненавязчивой целеустремленности в сочетании с двадцатью новенькими хрустящими стодолларовыми купюрами она расхрабрилась и подумала: *Знаешь что? А вот да. Да, и пошло оно все.* Она пожевала губами, потом ответила:

– На ужин с подругами. А потом в «Лукас». А что?

– «Лукас». – Он выпятил губу, будто чрезвычайно впечатлен. – Звучит изысканно.

Эмира легонько приподняла плечи – *ну-я-не-знаю.*

– А что, если сперва мы с вами быстренько чего-нибудь выпьем? – спросил он. – Очень хочется вас угостить. А потом уж пойдем каждый своим путем. У меня тоже встреча с друзьями.

Поезд остановился, и какая-то женщина, протиснувшись мимо Келли, уселась рядом с Эмирой.

Эмира притворилась, что колеблется; все это доставляло ей такое же удовольствие, как и ему. Она мысленно отмотала время вперед до того момента, когда они сегодня попрощаются; по ее прикидкам, это должно было произойти около двух часов ночи.

– Я уже опаздываю, – сказала она. – Но можете угостить меня в «Лукасе».

Келли рассмеялся:

– Да кто же меня туда пустит.

Эмира опустила взгляд на его туфли. Коричневые, со шнурками. Темные джинсы, дорогое на вид худи.

– Вы хорошо одеты, – заверила она его. – Никаких проблем быть не должно.

– Я не имел в виду одежду, но спасибо, теперь я совершенно спокоен, – сказал он, ухмыляясь. – Просто я слышал, туда не пускают тех, кто пришел без дамы.

Следующая станция была Эмирина, и, когда поезд начал сбавлять скорость, она поднялась и встала рядом с Келли.

– Ну у вас же есть мой мейл. Напишите мне в почту, и я выйду.

Келли достал телефон:

– Может, проще эсэмэску послать?

Эмира вздохнула и усмехнулась на выдохе:

– Мейл, сынок. Мейл.

– Конечно! – Он спрятал телефон, на лице его было написано *ну разумеется*. – Я как раз и сам собирался сказать. Мейл. Прекрасно.

Эмира промычала «угумс» и подошла к дверям вагона.

Келли сел на ее место, которое сразу показалось слишком маленьким, сунул ладони между колен и уставился на Эмиру, улыбаясь изо всех сил. Она снова приподняла бровь и уткнулась в телефон.

– Это моя девушка, – громко сказал он женщине, сидев-

шей рядом.

Женщина оторвала взгляд от книги и спросила:

– А?

– Это моя девушка, вон там. – Келли указал на Эмиру.

Женщина с любопытством посмотрела на Эмиру. Та покачала головой и сказала:

– Не-а, неправда.

– Она всегда так делает, – продолжил Келли, заглядывая женщине в лицо. – Это так мило. Она всегда играет в поезде в эту игру, как будто она меня не знает.

– Огосподибоже. – Эмира прижала три пальца ко лбу.

– А дома она такая: скажи, милый, смешно было, правда?

И мы хохочем с ней. Просто помираем со смеху.

Женщина рассмеялась:

– Как романтично.

Поезд остановился, и Эмира сказала:

– *До свидания.*

– Увидимся дома, малыш! – успел крикнуть Келли, прежде чем двери вагона сомкнулись у нее за спиной.

В «Лукасе» Шони потребовала кабинку на балконе и бутылку вина, на что Зара сказала: «Мать, ты чего?» – а Шони ответила: «А что такое? За мой счет!» В бархатной кабинке, на белых кожаных диванчиках, четыре подруги прихлебывали вино и подпрыгивали под музыку. Шони заказала вторую бутылку; когда ее принесли, Джосефа высоко подняла телефон и объявила Снапчату: «У нас тут все зашибись, *окей?*»

Шони была щедра в той же мере, в какой ее родители были богаты. Источником семейного благосостояния была сеть прачечных самообслуживания где-то на юге, в которых можно было стирать и сушить вещи, не выходя из машины, а источником великодушия Шони – мотивирующие цитаты из интернета плюс искренняя вера в карму. С первой же встречи (Зара тогда подошла к Эмире после занятий и сказала: «Эта светленькая зовет на какой-то концерт, может, она хочет нас убить, а может, там будет улетно») Шони постоянно предлагала Эмире то свои вещи, то заплатить за выпивку, то половину своей огромной двуспальной кровати. Оставаясь ночевать у Шони на диванчике, Эмира просыпалась мокрой от пота, потому что ночью Шони укрывала ее дополнительным одеялом.

Если Шони была надежной как скала, то ее соседка по квартире Джосефа, наоборот, совершенно безалаберной. Она то безвылазно сидела дома в телефоне, листала новые мемы и клипы, болтала по-испански с мамой и сестрой через ФейсТайм, то желала тусить и пить до рассвета. Джосефа после Темпла училась в Бостонском университете, а теперь еще и подрабатывала в исследовательской лаборатории в Университете Дрекслея. Родители сказали, что, пока она учится, они будут ее финансово поддерживать, и теперь она готовилась к получению второй магистерской степени, на этот раз по охране здоровья.

– Я пригласила одного парня, но сомневаюсь, что он при-

дет, – сказала Эмира Заре, когда они плясали между своей кабинкой и перилами балкона, с которого открывался вид на первый этаж. – Я его в поезде встретила, но это так, ничего особенного.

– А он с друзьями?

– Он что-то такое говорил, да.

Зара кивнула и в тверке забросила ногу на стол.

Шони приблизила к ним ухо:

– Что, мальчики будут?

– Нет-нет. – Эмира помотала головой. – Это вряд ли.

Зара в танце толкнула Шони в плечо:

– Тебе-то что? *У тебя есть бойфренд!*

Шони подняла руки, словно оправдываясь:

– Я просто спросила!

– Хочу селфи! – объявила Джосефа.

На экране ее телефона отразилась их четверка, от самой светлой до самой темной. Джосефа – темно-каштановые волосы и розовый блеск на губах, Шони – кудряшки, медовое круглое личико, Зара с десятками свежезаплетенных косичек и улыбкой до ушей и последняя – Эмира с рассыпавшейся по плечам волнистой гривой. Держась за перила, они ослепительно улыбнулись навстречу вспышке.

Эмира то и дело проверяла почту. Ожидая, пока обновится экран, она думала: *И чего было выпендриваться – «мейл, сынок, мейл»?* А видя, что новых сообщений нет, думала: *Вот и хорошо, что не пришел. Он бы, наверное, запал на Шо-*

ни. Было бы неловко.

Но, увидев, как Келли поднимается на второй этаж «Лукаса», Эмира поняла, почему он не написал ей с просьбой встретить его у двери – и почему ему не требовалась ее помощь, чтобы попасть внутрь. Он объявился около одиннадцати, в компании четверки друзей, и эти друзья, к Эмириному безусловному удивлению, все как один были черные. Вид у Келли был такой, будто он снимается в заставке музыкального клипа явно сомнительного содержания. Один из его друзей был в солнечных очках, двое – в «тимберлендах».

Знакомясь и знакомя, Эмира заметила, что Джосефа спрятала телефон, Шони перебросила кудрявые пряди через плечо, а Зара просто с прищуром уставилась на подругу. Один из друзей Келли заявил, что они идут заказывать напитки – что желают дамы? Мужчины все вместе спустились в бар, и когда последняя из голов скрылась под лестницей, Зара сказала:

– Эммм, мать, *ты серьезно?*

– Да ну подумаешь! Я сегодня в настроении, вот и все. – Эмира вспыхнула и уселась рядом с Шони. Джосефа тут же придвинулась к Эмире справа, и их каблучки, встретившись под столом, звонко цокнули.

– Ты мне не *данукай!* – Зара под села к Шони с другой стороны и наставила на Эмиру указательный палец. – Давай разберемся: то есть когда *ты* это делаешь, это нормально, да? Я правильно поняла?

– Ооу! – Джосефа со смехом показала пальцем на Зару: – Это потому что ты с дня рождения Шони ушла с тем рыжим?

– Он был такой лапочка! – припомнив, воскликнула Шони.

Зара прижала руку к груди:

– То есть тебе можно мешать черное с белым, а мне нельзя? Надела косуху и стала самая крутая?

– Окей, окей. – Эмира рассмеялась. – Поняла. *Извини*. Но ты знаешь, о чем я. У того, с которым ты трахалась, татуха – компас.

– С тех пор как этот чувак спустился в бар, уже целая песня отзвучала. – Зара теребила одну из своих многочисленных косичек. – Не видела я никаких татух, и плевать мне на них.

Шони привстала и выглянула за перила:

– Слушайте, ну серьезно. Эмира, этот мальчик *очень даже очень*.

Эмира проследила за ее взглядом. Келли, положив обе ладони на стойку бара, что-то говорил блондинке-барменше, и Эмира вмиг ощутила жгучую ревность.

– Да это все вообще ни о чем, – сказала она. – Мы познакомились в тот самый вечер, в том магазине, а сегодня я его случайно встретила в метро. Я *честно* не думала, что он сюда заявится.

Зара взгляделась.

– Это что, тот, который снимал тебя на видео?!

– А я тебе о чем.

– Ну ты и скрытная! Чего молчала?

– Говорю же, я не думала, что он придет!

– У него что, свитер «Эверлейн»? – спросила Шони, по-прежнему глядя вниз.

Эмира закатила глаза:

– Можно подумать, мне это слово о чем-то говорит.

Зара тоже, как Шони, повернулась к перилам и окинула взглядом Келли и его друзей. Зазвучала следующая песня, Келли принялся кивать головой и подпевать, явно зная слова.

– Он типа как тот белый чувак на каждой черной свадьбе, – заметила Зара. – Знаешь, такой, отплясывает «Кьюпид шафл»⁵, счастья полные штаны.

– Ой, – сказала Шони. – Обожаю «Кьюпид шафл».

– И все-таки странно, да? – протянула Джосефа с бокалом в руке. – В смысле... он красавчик и все такое, но может мне кто-нибудь объяснить, почему у него все друзья черные?

Эмира, Зара и Шони разом повернули головы к подруге.

– Хмм. – Эмира подперла кулаком подбородок. – Не знаю, Сефа, а у тебя почему?

– Во-первых, грубо. – Джосефа выставила ладонь перед лицом Эмиры. – Во-вторых, я только что получила свой результат ДНК-теста, и во мне одиннадцать процентов запад-

⁵ «Кьюпид шафл» (*Cupid Shuffle*) – сингл 2007 г. американского певца Кьюпида, ставший популярным линейным танцем.

ноафриканской крови, ясно?

Зара поморщилась:

– Ну и к чему ты сейчас про правило одной капли?⁶

– И в-третьих, – продолжила Джосефа, – я совершенно серьезно: он точно не фетишист? Когда я еще ходила на сайты знакомств, толпы старых белых мужиков рвались потрогать мои ступни. Просили, чтоб я называла их «папочка» и всякая такая хрень.

– Надеюсь, он сегодня потрогает кое-чьи ступни. Так держать, сестра. – Зара победно хлопнула Эмиру по ладони – хай-файв. – Я тебя поддерживаю, потому что я, в отличие от *некоторых*, настоящий друг. К тому же у меня большие виды на его приятеля, вон того, со стрижкой «фейд».

Джосефа с Зарой заспорили, которая из них притворится, будто у нее день рождения. Они трижды сыграли в «камень, ножницы, бумага», и Зара дважды выиграла, так что когда Келли с друзьями вернулись, девушки хором спели танцующей Заре «С днем рожденья тебя» и задули пламя на Джосефиной зажигалке. Шони благосклонно принимала знаки внимания сразу от двоих мужчин (у одного из которых вправду был день рождения), а третий принял вызов Джосефы и занялся с ней армрестлингом. Час спустя Келли легонько постучал Эмиру пальцем по плечу:

⁶ «Правило одной капли» – принятый в ряде штатов США в первой половине XX века социально-правовой принцип, согласно которому человек хотя бы с одним чернокожим предком («одна капля черной крови») должен был и сам считаться черным, независимо от цвета кожи.

– Итак, мисс, я задолжал вам выпивку.

Келли спустился на первый этаж вслед за Эмирой и, когда она забралась на барную табуретку, встал с ней рядом. Эмира знала, что в свете ламп, окаймляющих стойку бара, ее губы и ресницы отливают розовым. Келли купил ей выпить – четвертый напиток за этот вечер, – и они чокнулись.

– Твое здоровье, – сказал он, – и прими мои восторги по поводу безграничности твоего терпения. – И, когда она поблагодарила его и сделала глоток, добавил: – Скажи, что ты не студентка.

Эмира скрестила ноги.

– Не студентка, нет.

– Тогда, наверное, танцовщица? – Келли поставил бокал на стойку. – Нужно же профессиональное образование, чтобы делать вот это вот... – Он выпятил губы и щелчком сбил с плеч воображаемые пылинки.

– Ой, похоже! – Эмира рассмеялась. – То был совсем особый случай. Эта маленькая девочка, с которой я сижу, у нее... в общем, кто-то забросал их дом яйцами. Ее мама попросила меня увести ее куда-нибудь, пока они разбираются с полицией... ну мы и пошли в тот магазин, а там – оппа, тоже полиция.

– Теперь понял, – ответил он. – Тот тип вообще-то не коп, ну да ладно. А чем ты еще занимаешься, кроме бэбиситтерства?

Эмира поставила локоть на стойку и ухмыльнулась:

– Следующий вопрос будет – чем я увлекаюсь в свободное время?

– Может быть.

– Это *суперотстойный* вопрос.

– Ну все-таки получше, чем «А сколько у тебя братьев и сестер».

– Окей, – сказала она. – Я расшифровываю аудио и еще иногда подменяю секретаря в офисе «Зеленой партии Филадельфии».

– Правда, что ли? – сказал Келли. – Вот уж на кого ты не похожа, так это на зеленых.

– Я просто набираю им тексты.

– И с какой скоростью ты печатаешь?

– Сто двадцать пять.

– Слов в минуту?!

– Угу.

– Ты серьезно?!

Эмира улыбнулась:

– Серьезней не бывает.

– Черт. Если б ты надумала взять еще работу, я бы тебя точно подхватил, – сказал Келли. – В моей конторе за расшифровку и набор платят хренову тучу бабла.

– А может, мне и сейчас платят хренову тучу бабла.

Ооо, подруга, да ты напилась, – сказала она себе. Новая куртка на плечах и пачка сотенных купюр в сумочке придали Эмире несвойственную ей лихость.

Келли поднял руки, сдаваясь:

– И то верно.

– А что? Ты типа охотника за кадрами? – спросила она. –

Ты тогда говорил: напишете статью... Ага, непременно.

Келли облокотился о стойку и уставился вверх, на бутылки с напитками и сиропами.

– Я и правда это сказал... Хм. – Он покосился на Эмиру и спросил, явно искренне: – Я мудак, да?

– Ты? О, наверняка. – Эмира кивнула. – То есть данных у меня нет, но если чисто статистически – да. Сто процентов. Но это даже круто.

– Круто? – Он усмехнулся.

– Ага, есть немного.

– Думаю, нам надо вызвать такси, – сказал Келли ей на ухо. Это прозвучало странным образом деловито и бесцеремонно, и Эмире в ее слегка затуманенном состоянии стало вдруг дико смешно. Как если бы он сказал, к примеру: *Похоже, придется наложить швы или К сожалению, ваша карта недействительна.*

Она рассмеялась, взяла свой бокал и, с соломинкой во рту, сказала:

– Ты пьян.

Келли сложил ладони:

– Вы тоже, мисс.

В лифте его дома Эмира проверила сообщения в телефоне. **Воу-воу окей бай-бай**, – написала Зара, – **удачи с этим**

ПИЖОНОМ В Л. Л. БИН. Келли стоял напротив, наблюдал за ней, прислонившись к стене. Потом выпрямился и сказал:

– Ну что, можно мне наконец-то подойти поближе?

В квартире, на диване, упругом и, похоже, очень недешевом, Эмира сидела лицом к Келли, а он стоял на коленях, обхватив ее за бедра. Пахло мальчишеской беззаботностью и одновременно чистым бельем, которое выстирали моющим средством с пометкой «не содержит ароматизаторов». Над головой у Келли, прочно прибитый к стене гостиной, висел в массивной раме подробный план города Аллентаун, штат Пенсильвания. В отблеске света из открытого окна Эмира поцеловала Келли. В какой-то момент он отстранился и прошептал:

– Эй-эй-эй.

– Ммм? – издала вопросительный звук Эмира.

Келли запрокинул голову на спинку дивана.

– Тебе ведь, к примеру, не двадцать?

– Нет. Мне двадцать пять.

– Оппа. – Он заложил руки за голову. – Мне тридцать два.

Эмира приподнялась, чтобы снять легинсы.

– Окей.

– То есть я на семь лет старше тебя.

– Угу. – Эмира, уже начав расстегивать его ремень, коротко усмехнулась. – Ты... отлично считаешь, молодец.

– Окей, мисс. – Келли рассмеялся. – Я так, на всякий случай.

Между поцелуями и поглаживаниями Келли достал презерватив и положил на диванную подушку слева от себя. Презерватив, этот силиконовый символ согласия, покоился там, словно дар в знак примирения – или тревожная кнопка. В какой-то момент Келли приподнял ее бедра и, попросив: «Сядь-ка сюда», прижал ее лобок к своему рту. Эмира сказала – и тут же почувствовала, что это очень белое выражение: «О, ты вовсе не обязан...» Под этим она подразумевала: *Не рассчитывай, что я отплачу тебе тем же*. Келли, похоже, понял, что она имеет в виду. Он рассмеялся и сказал: «Да ладно» – и снова впился в нее губами. Потом прервался еще раз, чтобы сказать: «Но если тебе не очень...» – на что Эмира быстро ответила: «Нет, мне – очень». Она удерживала равновесие, упиравшись руками и одним коленом в спинку дивана. Второй раз за эту ночь она подумала: *Знаешь что? А вот да. Да, и пошло оно все*, – и обхватила его за затылок.

Потом, опускаясь, она потянулась за презервативом. То, что она остается сверху, казалось само собой разумеющимся.

Позже, все еще не протрезвев, она достала телефон и написала Заре: **Ты где?** Келли, натянув шорты и футболку, принес ей на диван стакан воды со льдом, вернулся в кухню и тоже стал пить воду, глядя на Эмиру через длинный стол-остров. Часы на микроволновке показывали 1:10.

Эмира потянулась за туфлями:

– Можно мне «Убер» и что-нибудь перекусить?

Келли потянулся за телефоном:

– «Убер» – пожалуйста, а перекусить – после того как дашь мне свой номер.

Эмира рассмеялась. Справа от нее, рядом с проигрывателем, стоял ящик из-под молочных бутылок, полный виниловых пластинок.

– «В ожидании выдоха»?⁷ Зачем тебе этот саундтрек? – спросила она. Ей видна была и пара других обложек: Чака Хан, Отис Реддинг.

Келли вздохнул, не поднимая глаз от своего телефона.

– Затем, что у меня музыкальные вкусы, как у черной женщины средних лет, – сказал он.

Эмира закатила глаза, но Келли этого не заметил. Может быть, Джосефа права и у него действительно фетиш? Эмира чуть было не спросила, сколько раз он произносил эту фразу, но вместо этого сказала:

⁷ «В ожидании выдоха» (*Waiting to Exhale*, 1995) – романтическая драма Фореста Уитакера о жизни четырех афроамериканок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.